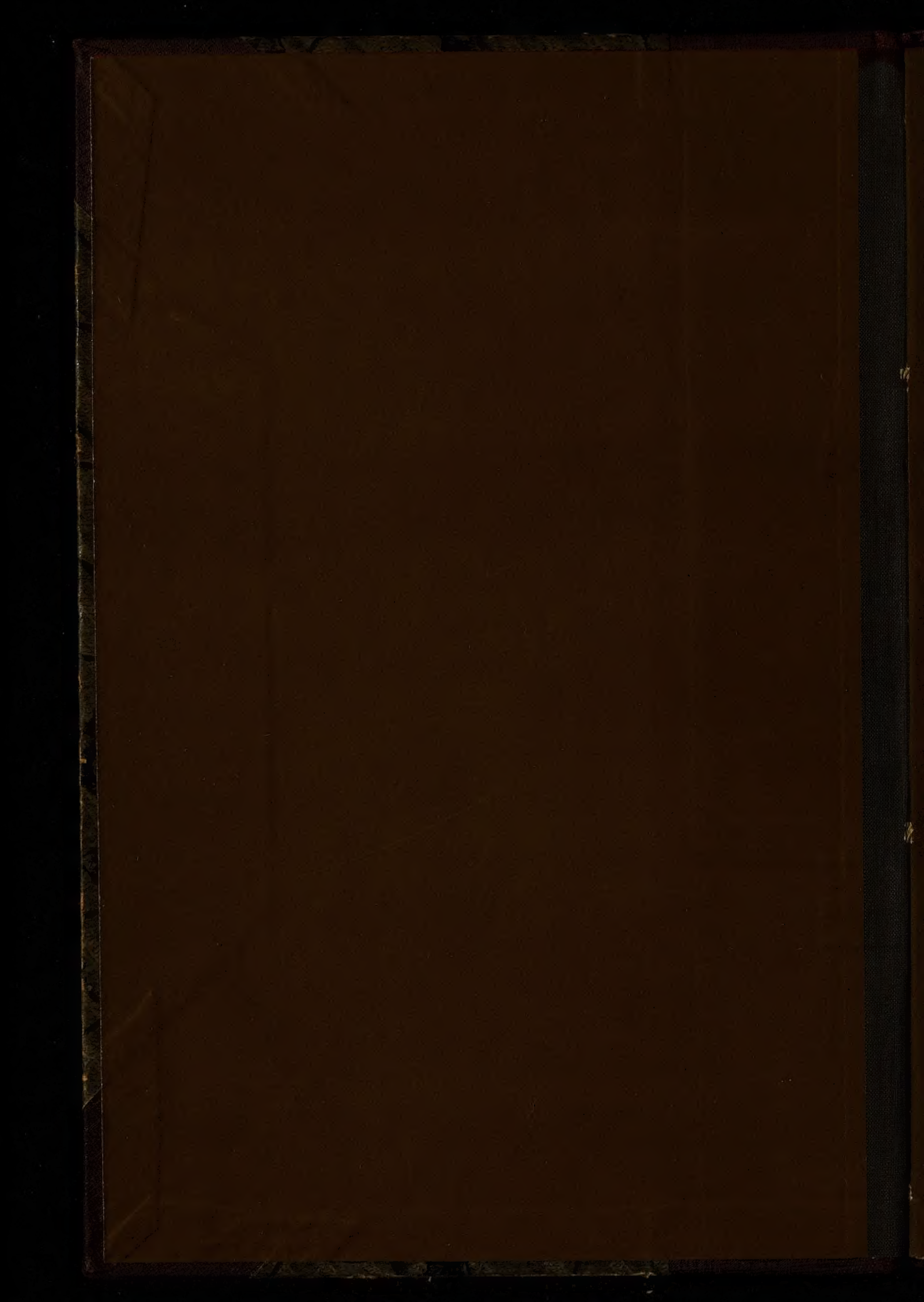
Бухарин

ЗА ЛЕНИНИЗМ

Приложение к газете „Б.-М. Правда“ № 273

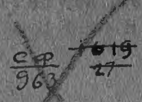
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗА ЛЕНИНИЗМ

Речи т.т. Бухарина и Сталина

на 16 Московской губ. партконференции

Доклад тов. Н. И. Бухарина о работе ЦК ВКП (б.).

Товарищи! Прежде всего позвольте от имени Центрального Комитета приветствовать конференцию Московского организованного партийного пролетариата (аплодисменты). Наша конференция собирается непосредственно перед очередным 15-м с'ездом, после празднования десятилетнего юбилея нашей пролетарской революции, в условиях, когда мы имеем ожесточенную борьбу, борьбу внутри партии, выходящую отчасти за ее пределы, отличающуюся своими особенностями.

Борьба с оппозицией не означает кризиса.

Эта борьба отнюдь не означает широкого партийного кризиса или кризиса в стране, но она была ожесточенной, ибо никогда еще не было столь крупных разногласий внутри нашей партии, столь антипартийных методов борьбы, какие применялись со стороны очень незначительной оппозиционной группы в наших рядах, группы отчасти выходящей уже за пределы нашей партийной организации.

Я хотел бы начать свой доклад как раз с подведения некоторых итогов той дискуссии, которую мы имели последнее время.

Первое, неоменьшевистский характер идеологии и тактики оппозиции. Мне кажется, если мы попробуем в кратких словах подвести итог этой дискуссии, то можем сказать, что в области принципиальных разногласий троцкистская оппозиция почти целиком перешла на рельсы меньшевизма—это по основным вопросам нашей революции.

В лице оппозиции имеем новый меньшевизм—

„неоменьшевизм“, который, конечно, отличается от классического меньшевизма некоторыми особенностями, совпадая с ним в основном. В вопросах об оценке движущих сил нашей революции, оценке существующего сейчас в нашей стране положения, на рубеже десятилетия пролетарской победы чрезвычайно большая часть взглядов оппозиции почти слово в слово повторяет то, что утверждает классический меньшевизм в лице его наиболее характерных представителей.

Не только в этом, а и в методах борьбы, в тактической линии наша оппозиционная группировка повторяет те приемы, те методы борьбы, которые отличают элементы политических организаций, стоящих за пределами нашей партии. В первую очередь имею в виду ту же самую РСДРП, то есть организацию меньшевиков. Вот итог. Я, товарищи, в этом вопросе постараюсь задержаться по возможности краткое время. Но легко понять, что обойти эти вопросы, которые занимали всю нашу партию все последнее время, которые, безусловно, сопровождались очень крупными издержками всего нашего государства, всей нашей деловой работы—эти вопросы абсолютно невозможно.

Как оценивает оппозиция положение в стране.

Что лежит в основе той теоретической оценки положения в нашей стране, которую дает оппозиция? В основе ее лежит положение, что наша страна, в силу ее технической и экономической слабости, не в состоянии без поддержки победоносного пролетариата других стран успешно продолжать дело социалистического строительства. Эта троцкистская формула, которая не раз Троцким выставлялась и защищалась в видоизмененном

виде и, лежала в основе октябрьской ошибки Каменева и Зиновьева. Эта формула повторялась перед 14 парт'съездом. Эта формула оказывает свое давление и теперь.

Оппозиция пророчит гибель.

Из этой формулы вытекает вывод оппозиции о нашей неизбежной гибели, нашем неизбежном, в условиях затяжки мировой революции, перерождении, проходящем, согласно оппозиционным меньшевистским теоретикам, через ряд этапов. С точки зрения расположения основных классовых сил в стране, мы, якобы имеем сейчас такого рода перегруппировки: пролетариата к крестьянству, следовательно, пролетариата к мелкой буржуазии, от простого товаропроизводства в сторону капиталистических элементов, от кулачества к буржуазии к нэпману, через ряд промежуточных этапов, через ряд различных звеньев этого большого процесса, якобы идем к тому, что основной руль гегемонии ведущее начало, переходит из одних рук в другие; от рабочего класса к капиталистам, к нэпмановской буржуазии.

Теория «термидора».

На основе перегруппировки сил в стране, под влиянием политики, которую ведет наша партия, совершается якобы, в свою очередь, соответствующее перерождение нашего государственного аппарата, то есть радикальное изменение классового характера власти в нашей стране. Сперва происходит отрыв общего государственного аппарата пролетарской диктатуры от своего классового пролетарского базиса, потом происходит превращение государственного аппарата в некую внеклассовую самостоятельную силу; потом этот самостоятельный независимый от пролетарского классового базиза аппарата получает якобы, по выражению Троцкого, другой „социальный заказ", „социальный заказ" другого класса, происходит сползание на кулацко-нэпманские рельсы. Это находит свое резко определенное выражение в теории, так называемого „термидора". За термидором, то есть контрреволюционным перерождением государства, следует открытый цезаристский бонопартистский переворот.

Наша партия в оценке оппозиции.

В связи с этим дается соответствующая оценка нашей партии. Наша партия, которая имеет свой костяк в партийном аппарате сперва якобы отрывается от пролетарской массы, потом (или на ряду с этим) аппарат отрывается от основной партийной массы, получает самостоятельное значение, потом начинает подводить под себя другой классовый базис, получает „социальный заказ" от иных классов, нащупывает себе другую социальную базу—„буржуазную базу". И это есть выражение термидорианства, бонопартизма. Отсюда делается практический вывод, что существующий партийный режим есть главная из опасностей, низвержение которой является первой обязанностью каждого партийца, каждого революционера. Вот как характеризуется картина перегруппировки классовых сил внутри государственного аппарата, внутри нашей партии. Все идет одним путем, через одни и те же этапы, причем общий смысл этого процесса есть процесс термидорианско-бонопартистского перерождения.

Я, товарищи, считаю излишним дальше останавливаться на изображении этой самой теории, потому что всем вам она достаточно известна и изрядно навязла в зубах. Само собой разумеется, опровергать это по существу, то-есть, доказывать, что наша партия не бонопартистская, не термидорианская было бы ниже достоинства партии.

Мы можем с гораздо большим правом упрек в бонопартизме и термидорианстве вернуть тем уличным «героям», которые на четырех ногах ползают перед каждой торговкой, на каждом вокзале (аплодисменты).

Взгляды оппозиции совпадают с меньшевистскими взглядами.

Хотел бы констатировать один факт, эта—теория общая нашей

оппозиции и меньшевиков. Я говорю это с полным сознанием ответственности за свои слова, с полным сознанием того, что не преувеличиваю ни на один атом. Приведу несколько цитат из меньшевистских произведений и из оппозиционных выступлений, где увидите не только полное совпадение политической мысли, но увидите полное и буквальное совпадение некоторых формулировок.

Приведу три выдержки из речи Троцкого и выдержки из „Социалистического вестника" (меньшевистский журнал).

Вот, что говорил Троцкий на последнем пленуме ЦК и ЦКК: в партийном режиме свое выражение вся политика партийного руководства. Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо, от пролетариата к мелкой буржуазии, от рабочего к спецу, от рядового партийца к аппаратчику, от батрака и бедняка к кулаку, от шанхайского рабочего к Чан-Кай Ши, китайского крестьянина к буржуазному офицерству, от английского пролетария к Перселю, Хиксу, генсоветчикам и так далее без конца. В этом самая суть сталинизма.

Вот вторая цитата, которая увенчивает все здание: „Партийный режим вытекает из всей политики руководства. За спиной крайних аппартчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия. За ее спиной мировая буржуазия. Все эти силы давят на пролетарский авангард, не давая ему поднят голову или раскрыть рот. Чем больше политика ЦК сдвигается с классового русла, тем больше приходится эту политику навязывать пролетарскому авангарду сверху методами принуждения. В этом корень нынешнего возмутительного партийного режима".

Поставлены все точки над „и" за крайними аппаратчиками, то есть, ядром Центрального комитета (по терминологии Троцкого) скрывается даже не мелкая буржуазия, даже не кулак, а зрелая вполне сложившаяся, буржуазия, за спиной которой в свою очередь скрывается мировая буржуазия. Так вот, значит, мы представители ЦК являемся идеологами политики нэпмана, политики мировой буржуазии (смех). Это очень смешно, но это было сказано не где-нибудь, а на заседании ЦК и ЦКК. Это характеристика, даваемая со стороны Троцкого.

Что пишут меньшевики?

Меньшевики здесь более последовательны, они родословную нашего „бонопартистского грехопадения" ведут не от последних дней, даже не от момента созревания „великого блока" Зиновьева и Троцкого; они ведут нашу родословную, начиная с момента революции, с момента захвата власти большевиками. Вот что пишет Дан в „Социалистическом Вестнике" № 21/22.

Та самая речь Ленина, которая возвещала „новую экономическую политику", кончилась новым „лозунгом" предписывающим отныне „социалистов держать в тюрме".

Так вступила большевистская диктатура в новую фазу своего развития, в фазу нэпа, когда революционные задачи, выполнительницей которых сделала ее история, все более уходят в прошлое, когда само сохранение все больше становится для нее самодавляющей целью.

Из силы революционной она все более становится силой консервативной. Из выразителя интересов масс в определенный исторически обусловленной обстановке—тормазом для выявлевия защиты этих интересов в новых условиях, созданных революцией. Ибо в этих новых условиях, когда

основной социальной силой в России

становится мелкобуржуазное крестьянство, когда на национализированых фабриках и заводах государство ведет хозяйство капиталистическое, когда образовались громадные кадры людей (чиновников, администраторов, хозяйственников), источником существования, которых становится хотя монополизируемая государством, но создаваемая трудом рабочих „прибавочная стоимость", когда словом, возрождаются в России классы буржуазного общества, вместе с ним

классовые антагонизмы в этих условиях интересы трудящихся, особенно интересы рабочего класса требуют в России, как во всякой другой стране, свободы классовой организации, борьбы, немыслимой без политической свободы.

Меньшевики о выступлении оппозиции в октябрьские дни.

Последняя цитата передовицы последнего номера „Социалистического Вестника", посвященного десятилетнему юбилею нашей революции. В статье, которая называется „Юбилейный разгром", дается прямая оценка выступлений оппозиции за последнее время, оценивается это с точки зрения тактики. Вот что мы находим и читаем в этой передовице.

„Кое-что из оппозиционных теорий не может не встретить всеобщего отклика. Ее характеристика перерождающейся диктатуры во многом правильна и соответствует действительности. Пусть она кое чем не нова, пусть она заимствована у политических противников, разве в этом дело. Важно то, что она правильна, что она публично констатирует то, о чем до сих пор можно было говорить лишь в подпольной социалистической печати.

Ее указания очень верны: быстро идет процесс перерождения, который оппозиция называет „термидорианским", активность народных масс сменяется активностью верхушек. На место народа вступает власть, и так во всех областях. Вместо рабочей активности, активность хозяйственников. Вместо советов—работа президиумов. Вместо армейской массы — самосознание офицерства. Вместо партийной массы—циркуляр политбюро. Троцкий прав. Такова действительная картина, а куда ведет эта эволюция, нам приходилось писать уже не раз. Это удивительно, если теперь, когда и коммунистическая оппозиция увидела того, чего не видят одни слепые они умеют привлечь симпатии, заставить себя слушать".

Оппозиционная характеристика партии совпадает с меньшевистской.

От себя прибавлю, что символом этих „симпатий" со стороны рабочих могут служить калоши и соленые огурцы (аплодисменты). Но не это в данном случае важно. В данном случае важно то, что вы имеете здесь совпадение. Раньше была только перекличка между меньшевиками и нашей оппозицией, а теперь вы имеете совпадение политической мысли, не приближение к чему-то общему, а совпадение политической мысли, потому что, когда „Социалистический Вестник" говорит: есть у оппозиции „кое-что правильно", потом перечисляет, что это за „кое-что", то выясняется, что это „кое-что" есть характеристика классовых отношений в стране, это „кое-что", есть классовая характеристика нашей государственной власти, это „кое-что" есть характеристика нашей партии.

Милюков и оппозиция.

Что же остается кроме этого „кое-что" в самых важных вопросах? Ровно ничего. Основное исчерпано. Характерно то обстоятельство, что цепочка этих взаимных об'ятий продолжается дальше. У нас в газетах отмечалось, что Милюков в своем органе отпечатал документы оппозиции с нижеследующим примечанием от редакции, напечатанном жирным шрифтом:

„Ниже мы печатаем два отрывка из большевистской „оппозиционной" литературы. Они как раз годятся для „юбилея" в Советской России. Эти отрывки в России не напечатаны быть не могут. Они печатаются там в тайных типографиях. Они выслеживаются и уничтожаются также, как при старом режиме. Таким образом, мы осуществляем „свободу „печати" для Троцкого. Благодарности не ждем, но сами выражаем удовлетворение, что большевистская „оппозиция" вступила в стадию подпольной печати. Надеемся, что за ней последуют дальнейшие стадии".

Вот оценка, вот она эта—„классовая правда классового врага". Я, товарищи, считаю излишним ос-

танавливаться дальше на идейном содержании оппозиционной платформы. Совершенно ясно, что наши идейные разногласия уже переросли рамки тактических разногласий, они стали программными разногласиями, и я полагаю, что людям с такими взглядами в нашей партии не место (бурные аплодисменты).

Две программы.

Всякому понятно, что тактические разногласия — это такие разногласия, которые предлагают некоторый общий язык. Могу расходиться со своими товарищами в партии, например, в качественной оценке тех извращений, которые у нас есть, могу расходиться в оценке тех или иных методов борьбы против этих извращений. Если я расхожусь с каким либо партнером, с которым хотя бы сто лет сражался вместе, в оценке того: есть ли наша партия—партия революционного пролетариата или же она перерождающаяся партия, которую нужно выбросить и чем скорее, тем лучше выбросить,-тогда у нас нет ничего общего, мы тогда враги, которые, исходя из этого делают свои выводы. Я знаю, что есть еще логика борьбы: некоторые говорят не то, что думают, некоторые в своей борьбе идут дальше, чем они сами хотели бы. Это, вероятно, имеет место среди некоторых оппозиционеров. Но из этого отнюдь не следует, что нужно быть более терпимым, ибо в оборот пущены такие вещи, которые ставят людей по другую сторону баррикады. Если у нас термидорианская власть, тогда нашу власть нужно взрывать; если это пролетарская диктатура—то нужно ее защищать. Если у нас термидор—нужно организовать стачки на фабриках, если у нас пролетарская диктатура — нужно строить социалистическую промышленность. Если наше партия переродилась в переверзевскоалексинскую партию—нужно ее разрушать; если у нас пролетарская диктатура—нужно защищать нашу страну до последней капли крови.

Это две разные программы, а не две разные тактики и когда оппозиционные политики перебегают от одной к другой, приближаясь от к одной, то к другой (в зависимости от того, сколько они колотушек получат от рабочих по затылку),—мы говорим: извините любезные,—это недостойная игра платформой «термидора», мы никого в партии оставлять не будем (аплодисменты)

Какие силы развязывает оппозиция.

Оппозиция представляет собой маленькую кучку, эта маленькая группка живет самообманом своих вождей, водит за нос: вот недавно на одном заводе оппозиционер звонил, чтобы туда приехал Троцкий-дескать, все сто процентов за него. А что оказалось? Оказалось собрание единодушно было против оппозиции. Они живут самообманом, иллюзиями, оппозиционными грезами. Казалось бы, пускай себе грезят. Но то, что они делают сейчас,—это вредно не только само по себе, ибо развязывает другие силы. Вот, товарищи, тема, которая неоднократно развивалась, которая заслуживает в первую очередь нашего внимания.

Если вы сейчас пройдетесь по улице крупного города, то на площади или в трамвае вы увидите, как развязывается эта мелкобуржуазная дрянь в нашей стране. Почему? Потому что оппозиция развязывает вот эти все силы.

Возникают конспиративные кружки, группировки.

Вот недавно я из Одессы получил программу „коммунистической рабочей партии", представляющую замечательно интересный документ характеристики настроений этого рода.

В программе можно увидеть, что ее писал тертый интеллигентский калач. Она берет тезисы о „термидоре", „перерождении", развивает их, накручивает, конечно, грубее и резче, чем оппозиция: вожди партии обратились в новых капиталистов, сосущих кровь и пятое, десятое. Говорится о том, что мы натравливаем одну нацию на другую. Резко взята антисемитская струя. Но потом сразу выскочили интеллигентские уши. **Авто-**

ры выискали главную вину в том, что мы натравливаем рабочих на интеллигенцию.

Совершенно ясно, что опорным пунктом этой программы явились тезисы оппозиции, развязавшей все эти оголтело реакционные силы. Дальше идут разные контрреволюционные прокламации и все прочее. Их развилось гораздо больше, чем было несколько месяцев назад. Замечается сейчас некоторый рост кружков и группочек, мечтающих о терроре заговоре и прочем. Думаю, что будет полезно показать кулак всей этой шпане (продолжительные аплодисменты), чтобы они знали...

Тактика оппозиции.

Из всего этого, как я уже говорил, вытекает тактика, которую проводят оппозиционеры. Не буду здесь останавливаться опять на этих вопросах, пересказывать дело, начиная с „лесных братьев" и кончая всякими их дачами. Из газет вы всю эту „музыку" знаете. Я хотел бы только сказать, что в общем мы здесь уже имеем все формы борьбы, кроме одной, имя которой: вооруженное восстание. Мы имеем нелегальщину и нелегальные типографии. Мы знаем, как Раковский в Харькове организовал полустачку. Это вам уже показывает, что они не будут останавливаться перед переходом к стачечной борьбе. Мы имеем затем уличные демонстрации. Не вина оппозиционеров в том, что они вывели вам на улицу лишь разбросанные кучки, что у них кишка оказалась тонка. Важно то, что они перешли к уличной борьбе. Если уже есть попытка к уличной демонстрации есть попытка к организации стачечной борьбы, то дальше следует только одно—вооруженное восстание.

Никаких форм промежуточных больше нет. Все промежуточное исчерпано по той лестнице форм борьбы, которая в природе существует вообще. Нелегальная борьба, мобилизация своих сил, агитация, пропаганда, массовое действие, уличные выступления, стачка плюс демонстрация. За этим следует лишь демонстрация плюс восстание. Дальше некуда итти.

О каком перевороте они мечтали.

У них другая программа, флаг которой вывешен на знаменитом положении о термидоре, у них другая тактика, которую нельзя иначе назвать, как тактикой повстанчества, против советской власти и нашей партии, первый флажек, который был вывешен в известном тезисе о Клемансо, от которого Троцкий отбрехивался и говорил, что там не так изложено. Теперь смысл этого тезиса всякому дураку виден. Это означает переворот в нашей стране, это означает другую власть, это означает другую партию.

Конечно, у оппозиции стояла перед глазами лишь перспектива захвата руководства партией. Они думали, что у них такой огромный авторитет в стране, что это легко будет провести, что они смогут всех и всякого убедить, что клемансистский переворот произойдет безболезненно. Троцкий покажется, два ВУЗ-овца прокричат: „Да здравствует вождь Красной армии" и, дескать, готово. Дескать все рабочие только того и ждут, чтобы этот переворот произошел. Дескать, все ждут пришествия оппозиционных „спасителей". Как только они появятся на ступеньках своего храма, все будет сделано безболезненно, никаких кровавых столкновений, без всякой гражданской войны. Вот на что они надеялись.

Масса набила им скулы.

Но жизнь показала другое. Ничего они не получили от партии. Потом сами стали апеллировать ко всем и каждому. Стали апеллировать широкие массы и набили им все скулы (смех). Нужно им теперь создать какое-то самоутешение.

Это самоутешение сегодня пропечатано в признаниях одного товарища, который перешел теперь на нашу сторону, но который раньше входил в состав областного комитета оппозиции, присутствовал на заседаниях об'единенного ЦК Зиновьева и Троцкого, на квартире „об'единенного" Смилги (смех),

Самым трагикомическим, по чести говоря, просто комическим, является то, что, когда они собрали всех своих людей, то констатировали с полным единодушием, что они „просыпались“, признавшись себе в том, что „просыпались“, они на следующий день и представили ЦК две бумаги, где пишется, что за них был весь миллион. Они прислали бумаги, где говорят, что все решительно были за них, что только жалкая кучка „углановских свистунов“ была против (смех).

Оппозиция не видит растущих симпатий заграничных рабочих к СССР.

Оппозиционные документы и выступления—есть средство для оживления третьей силы. Все эти документы и выступления оппозиции мы имеем как раз тогда, когда катится к нам огромная волна международной симпатии. Сейчас мы присутствуем при таком положении вещей,—когда даже среди социал-демократических рабочих имеется большой рост симпатии к Советскому Союзу, который нашел свое выражение в делегациях, только что закончившемся конгрессе друзей СССР, происходившем в этом же зале.

Тут было около тысячи человек иностранных делегаций, но, товарищи, если бы вы поговорили с с делегатами, когда они сюда приехали, то удивили бы, как они здесь переделывали себя, с какими настроениями они уезжали отсюда, если бы знали, как они выбирались сюда, какая борьба происходила там, когда они должны были приехать сюда,—вы почувствовали бы, что от них тянутся нити к большим широчайшим массам рабочего класса. Не случайность весь их восторг, восторг даже перед этими парадами физкультурников, не говоря о другом. Их присутствие здесь является доказательством того, что они идут к нашему Союзу, к нашему пролетарскому государству.

Отмечу такой яркий штришок об этом конгрессе. Здесь, с этой кафедры говорил один француз, председатель французской делегации Каломер, который является редактором влиятельного французского журнала. Он все время занимал позицию против нас. Он все время защищал анархическую точку зрения, что все мы душегубы, грабители и так далее. Здесь он сделал заявление от имени французких анархистов и от анархистов, входящих в ряд других делегаций, что они целиком от этой позиции отходят. И в это время Троцкий и компания предлагают нам итти к анархистам.

Ни одной идейной политической уступки оппозиции.

В Советском Союзе массы идут к нам, а они—оппозиционеры думают, что они идут к рабочим массам и попадают... в кабинет господ Щербаковых. Они говорят, что рабочий класс с ними, они будут к нему апеллировать, а в это время рабочий класс всего мира идет к нам, к нам идут даже социал-демократические рабочие и говорят нам: „Будем свою кровь проливать в защиту Советского Союза“.

Наши „революционные“ оппозиционеры заглядывают на Запад и говорят, что у нас в Советской России термидор. Разве не ясна картина. Она абсолютна ясна.

Мы, конечно, должны бороться за всякого рабочего, который за оппозиционерами идет, но не имеем права сделать ни одной идейной политической уступки людям, которые в своей программе, в вопросах тактики являются совершенно созрелыми, даже перезрелыми меньшевиками.

Какой вывод нужно сделать из дискуссии.

Из всей этой дискуссии мы можем сделать такой вывод: На пятнадцатом партийном с'езде перед оппозиционерами будет два пути: либо абсолютно, безоговорочно, безусловно на деле распустить свою фракцию, свою партию, отказаться от указанных выше меньшевистских взлядов, либо этого не будет сделано и тогда соответствующим образом наша партия будет их рассматривать.

Клара Цеткин на собрании ком-

мунистов, членов конгресса друзей СССР, правильно заметила, что по существу дела решение, которое было принято ЦК, является лишь формальным выражением того, что есть. Это абсолютно правильно. Если желают возвращения к рабочему классу и партии, пускай возвращаются на основе тех условий, которые им поставит партия на пятнадцатом с'езде; если будут юлить, уклоняться и прочее — никто не пожалеет, никакие массы в защиту их не пойдут. Они думали, что вывод Троцкого и Зиновьева из партии будет сопровождаться, по крайней мере, всеобщей стачкой, а на самом деле рабочие сказали: „Наконец то! Хорошо!", и беспартийные передовики рабочие пошли в партию...

Пора перейти к очередным делам.

Наша партия должна теперь поскорее переходить к очередным делам, потому что нам и так „в копеечку" стала такая дискуссия, такая критика.

Нам нужно поднять выше нашу собственную самокритику, нашу положительную работу, потому что должен заверить, что последнее время из-за этой оппозиции начали упускать темп руководства. Всякий понимает, что особенно руководящему нашему органу, нашему центральному комитету так не хватает времени, чтобы следить за всей огромной машиной, за всем делом, которое лежит на плечах нашей партии, терпеть антипартийные выступления мы больше не будем (аплодисменты).

Поэтому мы должны перед оппозицией на пятнадцатом с'езде поставить вопрос со всей прямолинейностью, со всей резкостью, со всей остротой: либо с нами, либо нет. Если будете юлить, как двадцать раз юлили на совещаниях, то мы на это не пойдем, потому что довольно играть „термидором" и демонстрациями, довольно играть диктатурой страны и нашей партии (аплодисменты).

Итоги нашего строительства и основная линия экономической политики.

Перехожу к вопросу об итогах нашего строительства и основной линии нашей экономической политики.

Я, товарищи, сегодня не буду приводить цифр, потому что уже все цифры относительно командных высот, индустриализации нашей страны, соотношения между сельским хозяйством и нашей промышленностью, относительно борьбы за снижение цен, частного капитала, накопления и прочего—уже изрядно проникли во все мозги, отпечатаны в десятках и тысячах разных брошюр и справочных книжках и снова возвращаться к этим колонкам цифр—это лично для меня совершенно невозможно, потому что я боюсь, что у меня язык от скуки упадет на пол (смех).

Главное положение,

которое мы выставляем здесь и которое, по нашему мнению, вполне соответствует действительности, заключается в следующем: Несомненным фактом для нас является повышение удельного веса всего обобществленного сектора нашей экономики, то есть нашей социалистической индустрии, наших банков, транспорта, нашей кооперации. Несомненно укрепление ведущей роли социалистического города над деревней, что выражается в более быстром развитии нашей индустрии по отношению к сельскому хозяйству, в укреплении соответствующих связей ее с последним. Безусловно, что в области торгового обращения наша госторговля, наша кооперация заняли целый ряд важнейших стратегических пунктов, при чем роль кооперативных и госторговых органов в целом ряде торговых областей превратилась почти в монопольную.

Так, например, обстоит дело

в важнейшем стыке между городом и деревней: в области наших хлебозаготовок. Безусловен, следовательно, процесс вытеснения частного капитала с одних отраслей, после чего он перебегает на другую, при чем вытесняется и оттуда. Равным образом, безусловен рост нашей кооперации, которая уже обнимает изрядное количество; почти около трети, крестьянских дворов. При чем все

эти процессы сопровождаются повышением материального уровня рабочего класса и трудящихся вообще. Зарплата растет из года в год с неодинаковым темпом, но в своем номинальном, реальном выражении.

Эти вещи доказывали (будем доказывать и можем доказывать в любое время) цифровым материалом. Я хотел отметить следующие тенденции, которые важно отметить.

Куда направились усилия частного капитала.

Не нужно ни на одну минуту забывать наличия в нашей стране значительной прослойки с большим, сравнительно, экономическим удельным весом: мелкую кустарную и ремесленную промышленность. Не нужно забывать, что как раз в эту сферу, то есть в область мелкой кустарной и ремесленной промышленности сейчас направились усилия частного капитала.

Частный капитал, будучи вытеснен рычагами нашего социалистического преобразования, будучи вытеснен нашей промышленностью и торговлей, нашей оптовой торговлей, нашей кооперацией и прочее,—в известной мере окопался в кругу мелкой кустарной и ремесленной промышленности, в частности в системе, так называемой, домашней промышленности.

Нам нужно помнить, что в ряде промотраслей, производящих средства потребления мы еще имеем частные хозяйства, то есть ремесленников, находящихся часто под влиянием частного капитала. Если возьмете такие отрасли промышленности, как например швейная, там большинство принадлежит частному хозяйству. Если вы возьмете пищевую промышленность, там роль частного капитала еще очень велика, так что, когда мы говорим о победном марше наших хозяйственных высот и преобладающей роли нашей крупной промышленности, в первую очередь нашей крупной цензовой социалистической промышленности, мы не должны все же забывать о ряде отраслей, в первую очередь, во всем этом секторе ремесленного и полуремесленного и кустарного производства, имеем еще значительное поле для деятельности частного капитала, который как раз здесь окопался, как раз здесь мы имеем кое какие позиции.

Мы укрепляем командные высоты.

Между тем, эта промышленность непосредственно смыкается с деревней и здесь, в этой области частный капитал имеет возможность проводить смычку с верхушками деревни против нас, что здесь гораздо легче, чем с другого конца.

Мы имеем несомненно известный рост кулацких хозяйств. Цифр не буду приводить, разрешите сказать несколько об ином контексте. Исходя из того, что мы в настоящее время укрепляем командные высоты, что мы вытесняем из целого ряда отраслей обращения нашего противника,—на основе решений четырнадцатого партийного с'езда, утвердившего решения четырнадцатой конференции—Центральный комитет должен был перед собой поставить вопрос о том, какие мы должны сделать тактические выводы. Ответом на этот тактический вопрос явились наши тезисы, как по работе в деревне, так и директивы по составлению пятилетки.

Наша классовая установка перед 14 с'ездом партии.

Я хотел бы сказать парочку слов относительно нашей стратегической и тактической классовой установки перед четырнадцатым с'ездом партии.

Перед четырнадцатой партийной конференцией (нам нужно это иметь в виду), мы в основном вопросе нашей внутренней политики имели известную размычку (или начало размычки) между рабочим классом и основной массой крестьянства, то есть между пролетариатом и середняком.

Не лишним будет вам напомнить, что эта размычка нашла свое выражение в целом ряде довольно острых фактов политической борьбы в деревне. Мы имели убийства селькоров и рабкоров, всевозможные террористические

акты против представителей низших ячеек советской власти, даже нашей партии. Раньше этого мы имели, так называемое, грузинское восстание, попавшие в лапы дворянско-кулацких слоев меньшевистской партии. Мы имели весьма острую постановку вопроса в крестьянском союзе. Это был политический симптом, чтобы не сказать больше. Следовательно, действительно начиналась размычка между рабочим классом и крестьянином середняком. Когда четырнадцатая партийная конференция, с нею позже и четырнадцатый партийный с'езд, поставили вопрос о ряде мероприятий, то на этот раз мероприятия были направлены в первую очередь на то, чтобы укрепить смычку с основной массой крестьянства—средня-[redacted]

Вы помните, что тогда в деревне

были остатки военного коммунистического режима, необходимо было снять эти остатки, ибо они вызывали у середняков такое настроение, которое приводило к приостановке запашки и улучшений хозяйства, из-за боязни „расереднячивания". Чтобы середняцкая масса крестьянства эту боязнь потеряла, чтобы она могла развить свое хозяйство, нужно было уничтожить остатки военно-коммунистического режима в деревне. Это нужно было сделать.

Если бы мы этого не сделали во время 14 конференции и 14 парт'езда, мы бы не имели примирения с основной массой крестьянства, а, наоборот, расхождения между рабочим классом и крестьянством все более раздвигались бы на почве чего, вопреки всем уверениям оппозиции, кулак взял бы на буксир середняка и поссорил бы середняка с пролетариатом еще больше и мы могли бы дойти до известного политического кризиса в нашей стране. Вот как обстояло дело ко времени 14 конференции.

Мы выступили с рядом мероприятий,

основной политический смысл которых заключался в том, что мы уверенно перешли на рельсы революционной законности в деревне, каковая абсолютно необходима с точки зрения улучшения крестьянского хозяйства, потому что крестьянин не мог и не может хозяйничать, если он заранее не знает, сколько, когда и в какие сроки будут с него брать, будут или не будут его дергать. Вот почему мы обязаны были пойти на те мероприятия, на которые пошли 14 партконференция и 14 партс'езд. Эти вещи были тогда настолько убедительны, что за решения 14 конференции, которые были утверждены 14 партс'ездом, голосовали Зиновьев, Каменев и Троцкий.

На 14 с'езде Зиновьев и Каменев выступили против ЦК. Что касается Троцкого, должен сказать, на основании документа ЦК, что получил на днях письмо Антонова-Авсеенко, который все время был целиком с Троцким, что на 14 партс'езде Троцкий был настолько согласен с партийной линией, что хотел выступить самым решительным образом против Зиновьева и Каменева. А через 3—4 месяца он оказался уже в блоке с теми, против которых он только-что хотел выступать, в блоке против ЦК, за который он только что хотел выступать. Вот она величайшей «принципиальности» линия, **«грустная» повесть о том, как создается басня, «поэма» о термидоре.**

Отношения между рабочим классом и середняком улучшилось.

Мы должны были проделать на 14 конференции и 14 с'езде тот маневр, который мы проделали. Когда мы сейчас, через два года приходим к новому партс'езду, новому высшему судье политики Центрального комитета, мы, в первую очередь, должны себя спросить.

Вот эта политика, которую два года проводили, достигла ли она своей основной цели, то есть примирения с середняком?

Мы на это отвечаем: Она достигла этой цели, потому что, чтобы ни говорили про наши недостатки, их у нас очень много, чтобы ни говорили про наши огромнейшие прорехи, в особенности в области деревенской работы,—их у нас тысячи,—не подлежит сомнению основной социально-классовый итог, что за эти последние два года отношения между рабо-

чим классом и основной крестьянской массой, то есть с середняком в первую очередь, улучшилось. Этого отрицать никто не может.

Кулак политически изолирован.

Этого отрицать нельзя, потому что это есть основной факт нашей политической жизни в нашей стране. И вот, когда мы это проделали, когда мы этих завоеваний достигли, когда эту основную, центральную во время 14 парт-с'езда, задачу разрешили, тогда мы сейчас кулака политически изолировали, несмотря на его хозяйственный рост, повышение веса его в хозяйственном развитии и экономике сельского хозяйства, экономике деревни, когда рабочий класс более крепко связался с средняком крестьянином, когда мы достигли целого ряда результатов в области организации деревенской бедноты и батрачества, их сплочения с средняком против кулака, когда у нас уже имеется другая расстановка классовых сил в стране,—нашей центральной задачей является не успокоение средняка, а упрочение союза с ним, наступление вместе с средняком на кулака. Так, товарищи, обстоит дело с основной социально-классовой стратегической установкой теперь.

Мы решили задачу, которую мы себе поставили.

Когда со стороны оппозиции нам задают вопрос.

Ага, вы делаете политический зигзаг или, как про меня сказал Троцкий: Бухарин «теоретическую кобылу» поворачивает то хвостом, то мордой.

Я, конечно, посмеюсь над этой кобылой, но должен сказать, что, если ты ее раз повернул хвостом, то второй раз она повернется мордой—это закон. Должен сказать еще, что все политическое искусство—искусство наездников которые руководят этой «кобылой», в том и заключается, что ты должен во время поворачивать ее хвостом, когда нужно и во время поворачивать мордой, когда этого требует расстановка классовых сил (смех).

Если бы мы поворачивали ее так, как предлагала оппозиция, во время четырнадцатого парт-с'езда, мы разорвали бы наш союз с крестьянином середняком. Если мы теперь начинаем говорить относительно усиления наступления на капиталистические элементы или кулацкие, то не потому, что нам «взгрустнулось», или оппозиция «подхлестнула» нас, или нам сон приснился хороший, или, что мы «сбрендили», а потому, что два с лишним года с четырнадцатой конференции—с'езда мы решили ту задачу, которую мы себе тогда ставили.

Когда мы в большей степени можем помочь бедноте, когда оперились, не выросли еще, как следует, оперились только наши организации деревенской бедноты и батрачества, теперь, конечно, другое наличие рессурсов и средств,—мы нашу «кобылу» поворачиваем, как это нужно пролетариату. Мы должны сказать:

Если оперировать этой «кобылой» дальше, то будем и в будущие годы поворачивать ее, как это будет определяться правильным учетом изменяющихся классовых сил. В этом весь гвоздь. Нужно учесть классовые силы, в зависимости от этого маневрировать и определять свою политику.

Трудность экономического строительства и наши задачи.

Я, товарищи, хотел развить несколько мыслей относительно трудностей нашего экономического строительства теперь. О достижениях я сказал в самой общей форме, разрешите остановиться подробнее на трудностях.

Мы должны сознавать ясно, что из факта нашего роста, который будет итти дальше, симптомы этого мы видим на каждом шагу, мы можем ощущать этот рост физически; из этого отнюдь не следует, что все будет итти по маслу. Полагаю, что этот год будет очень трудным годом. Это нужно ясно видеть. Будем иметь ряд дальнейших достижений, у нас будут затруднения, вызываемые внутренними причинами и внешними осложнениями.

Должен сказать, что мы уже теперь имеем ряд экономических трудностей, связанных с международным положением. Эти трудности идут извне. Такие вопросы, как вопрос о наших торговых отношениях, как вопрос о кредитах—испытывают ряд затруднений. Англия ведет против нас определенную политику, она влияет на целый ряд стран вплоть до Германии, которая в области кредитов, заказов и прочее сейчас держится более, чем прохладной точки зрения по отношению к нам. Это

стоит в связи со всем комплексом международных вопросов, мы здесь последнее время имели, нельзя сказать, что не будем иметь в ближайшем будущем, затруднения, что может, понятно, отразиться на нашем внутреннем строительстве (экспортно-импортный план, производственные программы и так далее).

Вот, товарищи, например, известно, что вопросы предупреждения военной опасности и о подготовке, которые были подняты нами своевременно, они другим концом ударили против нас.

В чем это выразилось?

Повальной закупкой и заготовкой муки, сахара и так далее. Это создало новый добавочный спрос сверх обычного. Крестьянство стало придерживать хлеб у себя, стал образовываться натуральный запас хлеба, хлеб не выбрасывался на рынок.

Я должен сигнализировать Московской партийной конференции совершенно открыто и прямо об опасности довольно сильного падения цифры нашего хлебного экспорта. Если можно говорить об исправлении и нашем реагировании на такое положение оно должно заключаться в нашей мирной политике, такой политике, которая по возможности дала бы нам известную оттяжку, затянула бы развитие международных событий, неблагоприятных для нас.

С этой точки зрения та партийная линия, которая была намечена, которая была неоднократно подтверждена пленумом ЦК,—**она остается сейчас правильной и непоколебимой.**

Основной капитал.

Если перейдем собственно к внутренней экономической политике, то, в первую очередь, я имею в виду те затруднения, какие мы имели эти годы, и будем иметь еще впредь в области нашего основного капитала. Нам приходится вести впредь наше капитальное строительство, капитальное строительство нашей социалистической индустрии в условиях, когда мы должны опираться в дальнейшем на наши собственные внутренние ресурсы.

В противоположность всякой другой стране, которая строится и обстраивается на основе иностранных займов и кредитов,—мы строим сами. Вопрос об источниках основных капитальных вложений будет играть для нас крупнейшую роль в будущем, ибо нам приходится вкладывать огромной величины капитал в тех условиях, когда в наличии имеется неизжитый товарный голод.

Если вкладывать те капиталы, которые мы собираем по копейке из разных источников города и деревни в быстро реализующееся легкое строительство, если вкладывать их с расчетом, чтобы можно было быстро возвращать в виде готовых продуктов, таким образом ускорить оборот капитала и в то же время смягчить при помощи этого капитала те затруднения, которые имеются в связи с неизжитым товарным голодом,—это был бы выход из положения. Но мы не можем вести такую политику, чтобы не вкладывать значительную сумму капитала в капитальное строительство, в области тяжелой индустрии, центр тяжести мы не можем не перекладывать на производство средств производства.

Между тем, нужно видеть, что вложения в крупнейшие заводы, например, по металлургии и прочее, мы реализуем только через ряд лет. Получается, что деньги собираем, вкладываем, а на товарно-потребительском рынке это еще не ощущается, так быстро и непосредственно, как бы нам хотелось.

Проблема основного капитала.

Эта задача—проблема основного капитала будет точно также мучительно жгуче стоять в течение ближайших лет. С другой стороны, темп рессурсами на капитальное строительство, которые у нас имеются, мы не можем маневрировать и, вложив определенную сумму на капитальное строительство, мы не можем ее по другому перераспределить. Мы чрезвычайно связаны.

Особенность нашего теперешнего хозяйственного строительства заключается в том, что ко всем неблагоприятным условиям, которые мы имеем (недостаток капитала в нашей стране), прибавляется отсутствие резервов. Мы поэтому правильно пятилетке дали директиву итти на то, чтобы создать резервы. Эта директива является особенно необходимой.

Нужно приложить все усилия, чтобы в ближайшие годы, не ломая наших производственных пре-

грамм, выполнить директиву относительно резервов. В связи с этим стоят трудности нашего планирования потому что, если бы мы жили в покое и к нам не могли вторгаться каждую секунду факторы, которые лежат вне нашей воли, в роде атаки на нас со стороны иностранного империализма, —тогда мы в общем и целом шли бы быстрее и несравненно спокойнее.

О рационализации производства и распределения и об интенсивности труда.

Следующим вопросом, на котором хотел бы остановиться, является вопрос о себестоимости и дальше о рационализации нашего производства.

Товарищи, нам нужно совершенно серьезно продумать вопрос о себестоимости нашей продукции, потому что нечего говорить о соревновании с иностранным капитализмом, смычке с деревней, усилении ведущей роли социалистического города без того, чтобы не прилагать всех усилий для разрешения проблемы себестоимости.

Проблема себестоимости упирается у нас в целый ряд факторов. Она упирается в старую технику, в вопрос о переоборудовании нашей промышленности; она упирается в плохую организацию труда на производстве и распределении. Она упирается в высокие накладные расходы, которые мы снижаем, которые мы не снизили до необходимого возможного уровня. Она упирается в неэкономное, нерациональное использование нашего топлива и сырья. Она находит свое выражение в том, что доля заработной платы на единицу продукта еще крайне велика. Вот на этом вопросе хотел бы остановиться, потому что это есть вопрос, на котором чрезвычайно многие путаются, сбиваются.

Тезис оппозиции в этом вопросе.

Например, у оппозиции имеется такой тезис или полутезис: дескать, неправильно выставлять положение, что доля зарплата должна понижаться—это, де есть антисоциалистическая политика. Это вздор, это зеленая чепуха, потому что всякому дураку понятно, что, когда мы переходим на лучшее оборудование, когда, скажем, на электрических станциях вместо трех человек начинает управлять пара человек огромной машиной—эта высокая техника находит выражение, между прочим, в том, что доля живого труда к единице продукта падает. В этом находит свое выражение технический прогресс.

Кто полагает, что доля живого труда и единица продукта должна оставаться на той же самой точке, тот предлагает нам экономическую безграмотность. Только абсолютно неграмотные люди могут защищать такое предложение. Вопрос о постоянном повышении материального уровня рабочего класса, это—другой вопрос.

Недостойная игра оппозиции.

Следовательно, заботясь о переобурудовании нашей промышленности и, в тоже время, ведя курс на постоянное повыщение материального достатка рабочего класса, нам в тоже самое время нужно путем рационализации промышленности, добиться лучшего использования сырья, органического состава капитала наших предприятий, рационализации всей линии—итти по той линии, чтобы доля зарплаты и себестоимости нашей продукции понижалась.

Все дело заключается у нас именно в отсталости, неопределенном еще нами, производственно-техническом варварстве. Я, товарищи, должен сказать, что эта проблема себестоимости является у нас центральной проблемой, которой мы не должны забывать ни на одну секунду.

Со стороны оппозиции с вопросом рационализации происходит самая недостойная игра. С одной стороны, Троцкий всюду и везде говорил о сравнительных коэффициентах (по сравнению с мировыми показателями). Но если в тоже время мы противодействуем рационализации нашего производства, то все разговоры о мировых коэффициентах превращаются в обман всех трудящихся. Тем более, что у нас есть некоторое сопротивле-

ние со стороны отдельных прослоек рабочих рационализаторским процессам.

Нам нужно ставить вопрос совершенно открыто, в упор, хотим мы оставаться на кустарном уровне нашей промышленности или хотим переоборудовать нашу промышленность на основе самой возможной для нас сегодня высшей техники.

Также открыто сказать, что тот, кто желает оставаться на доморощенном уровне нашей техники,—тот экономический реакционер. Если он будет болтать, в тоже время, о мировых коэффициентах, то это реакционер—обманщик.

Центральная проблема дня.

Нам, рабочему классу, нужно поставить проблему рационализации технической, организационной и прочей, как центральную проблему текущего дня и никаким элементам, даже находящимся в наших собственных пролетарских рядах, не сдавать в этом вопросе ни пяди.

Нам нужно заботиться о том, чтобы рационализаторский процесс происходил наиболее безболезненно, чтобы он сопровождался повышением материального уровня наших рабочих, чтобы он (что считаю колоссально важным) сопровождался не оттиранием рабочих от производства а, наборот, добачным вовлечением рабочих в производственный процесс и управленческую работу. Это наша священная обязаность, но это не отрицает, а предполагает самую энергичную борьбу за более высокий технический уровень, ибо без этого мы не можем развернуть нашей работы.

Всякое баловство этим вопросом, которое проводит оппозиция („рационализация превращается в нажим на рабочих“)—это есть политическое шарлатанство, это значит играть важнейшими проблемами социализма. Этой игры мы не допустим, это будет недостойно нашей партии, которая ведет рабочий класс вперед, а не заставляет его топтаться на одном месте.

И еще одна сторона дела. Не сделаю ошибки, если поставлю вопрое об интенсивности труда, прямо. Рационализация будет сопровождаться ростом интенсивности труда считаю, что увиливать от этого вопроса нельзя.

Абсолютный вздор думать, что, если мы вводим конвейерную систему, то это не будет сопровождаться ростом интинсивности труда. Конечно, будет. Если сейчас оппозиция кричит:

„Ага, значит, нажим на рабочий классс, вы хотите большую интенсивность труда“.

Мы должны прямо сказать: Да большая интенсивность труда. Мы одновременно скажем, что мы должны в этом ставить рабочего в такие условия, чтобы он сам и его рабочая сила внутренне перерождались в смысле своей способности развивать более интенсивный труд с минимумом неприятных ощущений для себя, уменьшением этих неприятных ощущений против прежнего, менее интенсивного труда. Вот наша установка.

Мы не стоим на капиталистическом пути.

Нельзя думать, что рабочая сила будет вечно оставаться такой же, как сейчас. Если среднего нашего рабочего перевести в Германию или лучше в Америку, он устанет в десять раз скорее, чем самый обыкновенный средний американский или немецкий рабочий, ибо его (нашего рабочего) сила—она нисшего порядка по сравнению с рабочей силой немецкого рабочего, поэтому наш рабочий больше устанет от менее интенсивного труда, чем немецкий рабочий при высокой интенсивности. Мы не стоим на капиталистическом пути.

Переход на семичасовой рабочий день—есть величайшая компенсация, которая всю проблему роста интенсивности труда ставит на другие рельсы, чем в капиталистической стране. В этих других рамках мы должны вести дело. Конечно, сейчас рано думать о том, что мы могли бы осуществить требование нашей программы то, что написано относительно рабочего дня. Мы в конце концов должны перейти на шестичасовой рабочий день с условием, чтобы минимум 2 часа в день люди обучались теории производства, государственного управления и военного искусства.

Интенсивный труд компенсируется сокращением рабочего дня.

Значит, более интенсивный труд компенсируется сокращением рабочего дня, повышением качества, качественным «перерождением» рабочей силы, что будет ускоряться усиленным изучением производства, привлечением в управленческую работу, перемещением центра тяжести с трудных условий мускульных на нервно-мозговые.

Следовательно, когда мы говорим о желании иметь новую технику, то тем самым говорим, что будет большая интенсивность труда, облегчающаяся и сопровождающаяся «перерождением» самой рабочей силы, и не нужно бояться нашего признания, что это совершенно неизбежный фактор и от него не следует отвертываться. Мы должны говорить беспартийным массам: **Да, интенсивный труд, но зато мы будем проводить сокращенный рабочий день, будем заботиться о твоем культурном росте.**

Мы будем создавать социалистических работников.

Возьмите среднего нашего рабочего не привыкшего к собраниям и работе на наших собраниях. Всякий знает, что через полчаса, час, такой человек заснет, а мы с вами будем сидеть и два, и три часа, и четыре, потому—привычка такая образовалась, тренаж. Наша рабочая сила в этом отношении, так сказать, качественно переродилась в смысле способности развить более интенсивный труд без быстрого истощения.

Это значит, что рабочая сила уже приобрела такие навыки, такой характер, что она способна развить большее количество энергии. **В этом заключается одна из проблем воспитание нашей рабочей силы. Мы не можем держаться за такой темп работы, такой ее ритм, такую работу с прохладцем, которая скорей относится к каменному веку, а не к эпохе новейшей техники.**

Мы должны итти здесь вперед, но не отуплять рабочего, как в капиталистических странах, а давать ему полную возможность, путем сокращения рабочего дня, путем культурной общеполитической работы, перевоспитать самого себя. На этом пути действительно будем мало по малу создавать социалистических работников, новых рабочих, а соответственным образом и новую социалистическую рабочую силу.

Товарный рынок и безработица.

Дальнейшая трудность, дальнейшая задача, которая стоит сейчас перед нами—это вопрос относительно нашего товарного рынка, промышленной продукции, наших хлебозаготовок.

Мы последнее время не можем констатировать особого обострения товарного голода, как это утверждается оппозицией. Хлебные хвосты нельзя брать в качестве решающих показателей нашей экономики,—это чисто коньюнктурное явление, которое уже теперь изживается и, по всей вероятности, будет скоро изжито.

Но нужно сказать, что у нас предложение несколько отстает от спроса. Я лично сторонник того взгляда, что у нас всегда предложение будет отставать от спроса, потому, что в нашей хозяйственной структуре заложен такой рост потребностей, который и гонит нашу промышленность, чтобы она развивалась. У нас все же есть товарный голод, который мы должны разрешить рационализацией, обновлением и расширением основного капитала. Нового здесь ничего не выдумаешь. Дело заключается не в том, чтобы выдумать новый рецепт в исполнении тех решений, которые мы выносили а в том, чтобы эти решения действительно на деле проводились.

О безработице.

Наконец, товарищи, я хотел упомянуть еще об одной проблеме где тоже не выдумаешь много рецептов, но о которой нужно упомянуть с точки зрения расположения классовых сил и политического положения. Это вопрос безработицы.

Еще на прошлой конференции где я тоже был, если не ошибаюсь, докладчиком и выступал в этом самом зале с вопросом о безработице и говорил, что нашу безработицу нужно лечить с двух концов: это—первое, в деревне путем развития интенсивных культур и индустриализации сельского хозяйства, что помогло задер-

жать рабочие руки у самой земли с другого конца—расширением нашего промышленного производства.

Жизнь целиком оправдывает это положение, и мы должны только подчеркнуть, что со всей настойчивостью и необходимостью в деле проведения этой политики сюда присоединяется вопрос о рационализации, о семичасовом рабочем дне, возможно более непрерывной работе в промышленности, на предприятиях (наличие сырья).

Вот те вопросы, которые стоят сейчас перед нами в области чисто экономического строительства.

Трудностей у нас много.

Как вы видите, мы не можем сказать, что у нас нет никаких трудностей, задач, что мы будем дальше, как по паркету, итти вперед. Наоборот, в ближайшее время мы будем встречаться с большими трудностями.

Эти трудности в общем и целом есть трудности, вытекающие из того, что в нашей стране нужно совершать великое дело, которое требует изрядного вложения капитальных сумм. Эта главная проблема, как нищей стране сколотить богатый капитал для индустриализации. Она предполагает огромнейшее напряжение сил, огромнейшее напряжение средств. Мы работаем в области планового хозяйства с большим напряжением. Но мы полагаем и считаем, что **при условии величайшей дружности наших рабочих в деле рационализации, экономии, снижения себестоимости, собирания распыленных сбережений в городе и деревне,—мы эти трудности преодолеем.**

Гнусная нота у оппозиции.

К этому разделу я хотел еще прибавить, что за последнее время у оппозиции появилась одна самая гнусная нота, которая заключается в натравливании рабочих на наших красных директоров. Они говорят о присваивании прибавочного труда, создаваемого рабочим классом. Это натравливание есть гнусность.

Само собой разумеется, что весь ряд труда, не относящегося к области материального производства, будь то труд школьного учителя или организатора, скажем, Красной армии, в конечном счете может проходить только, если соответствующие люди потребляют то, что создается в области материального производства. **И нет ничего плохого в том, что известный кадр наших людей, наших работников из этого источника черпает и действительно работает в пользу рабочего класса. Это не то, что наши оппозиционные суб'екты, которые тоже живут из этого же источника, но разрушают дело рабочего класса.** (Взрыв аплодисментов).

Перегруппировка классов в стране и классовая борьба.

Я перехожу к анализу соотношения классов внутри нашей страны. Всякому понятно, что классовая борьба в нашей стране, в первую очередь, находит свое выражение в борьбе различных хозяйственных форм и что главнейший классовой победой рабочего класса в нашей стране является сейчас непрерывное продвижение вперед социалистической индустрии, командных, экономических высот, находящихся непосредственно в руках победоносного рабочего класса.

Однако, будет нелишним взять этот процесс классовой борьбы и с точки зрения самих классов непосредственно, то есть проанализировать, что делается среди живых людей на базе основных перегруппировок, между хозяйственными формами в нашей стране, о чем я говорил в предыдущем изложении.

Первое. Пролетариат.

Возьмем, прежде всего, пролетариат и спросим себя: какие главные процессы происходят внутри рабочего класса нашей страны? Что можем сказать мы относительно рабочего и о тех изменениях, которые происходили здесь в базе общего хозяйственного строительства Советского Союза?

Постараюсь отметить главные факты, заслуживающие на мой взгляд нашего внимания. Прежде всего, мы имеем бесспорный факт числового роста рабочего класса нашей страны.

Если в предыдущую полосу нашего развития, во время «военного коммунизма» и в самых начальных стадиях новой экономической политики в голодное время мы видели распыление рабочего класса, то за все последние годы, наоборот, **мы видим про-**

цесс сплочения рабочего класса. Это находит, во-первых, свое выражение в увеличении числа пролетариев.

Вторым фактом, который мы должны отметить, является повышение удельного веса рабочего класса в общей массе населения страны. Растет из года в год не только число рабочих, в этом числе, в первую очередь, число индустриальных пролетариев,—но процент рабочего класса по отношению к общему населению страны, то есть удельный вес рабочего класса.

Если посмотрим на рабочий класс с точки зрения его жизненного уровня, то точно также мы с абсолютной ответственностью можем заявить, что в общем и целом мы имеем непрерывный рост зарплаты в номинальном и реальном ее выражении, не прерывное повышение материального жизненного темпа рабочего класса. Три факта, которые, мне кажется, должны быть отмечены в первую голову.

Но есть другие процессы.

Внутри самого рабочего класса происходят перегруппировки. В своем составе рабочий класс претерпевает известные изменения. Какого рода изменения? Во-первых, понижается удельный вес высоко квалифицированной специфической верхушки рабочего класса, а это стоит в связи с начинающимся процессом рационализации нашей промышленности, который ослабляет значение некоторых высоко квалифицированных слоев рабочего класса, связанных с определенной техникой, определенным обучением.

С другой стороны, мы имеем повышение массовой квалификации, то есть средних квалифицированных слоев, повышение удельного веса, особенно этой прослойки, этой большой группы рабочего класса в нашей стране.

Далее, мы имеем процесс вовлечения совершенно новых необработанных слоев, которые впервые становятся и входят в состав индустриального рабочего класса. Теперь уже закончился процесс всасывания старых рабочих, которые в голодные годы ушли из городов. Теперь мы имеем процесс втягивания новых рабочих, которые становятся пролетариями, которые впервые приходят на фабрику, которые впервые становятся фабрично-заводскими рабочими.

Перегруппировка внутри пролетариата.

Наконец, мы имеем перегруппировку внутри пролетариата в силу естественного роста, биологического роста пролетариата, то есть мы имеем подход рабочей молодежи, детей рабочих, вступающих в производственный процесс.

Следовательно, мы имеем здесь известную возрастную перегруппировку, которая есть совершенно нормальное явление, которое будет повторяться в дальнейшем. Наконец, в связи с целым рядом трудностей, которые у нас сейчас есть, в связи с избыточным населением в деревне, в связи с тем, что расширение нашей продукции идет далеко не в ногу с ростом избыточных рабочих рук, мы имеем известную прослойку безработных, часть которых является хронически безработными, другая часть которых является безработными более или менее кон'юнктурного порядка. Таковы процессы внутри самого рабочего класса.

Налицо несомненный процесс консолидации пролетариата.

Это первый главнейший вывод, поскольку мы анализируем положение рабочего класса. Само собой разумеется, что числовой рост рабочего класса вовсе не прямо пропорционален росту политического влияния рабочего класса в стране. Политическая роль рабочего класса возрастает больше, чем простой численный рост рабочего класса. Это—закон.

Поэтому одна из величайших ошибок оппозиции заключается в том, что они, вне всякого соответствия с действительностью и прямо противоречиво азбуке марксизма, представляют положение так, что роль рабочего класса в экономике и политике страны „свертывается“. На деле она не может не повышаться и она повышается.

Однако перегруппировка среди рабочего класса и, в первую

очередь, вступление в состав рабочего класса новых рабочих слоев и рабочей молодежи ставили и ставят перед нами задачи, которые доныне считаю, что мы не разрешили и решение которых еще больше ускорит рост политического влияния пролетариата в стране. На эту сторону дела, мне представляется, нужно обратить сугубое внимание.

О новых слоях рабочего класса.

На Московской конференции перед четырнадцатым с'ездом партии, когда была первая перекличка между ленинградскими и московскими оппозиционерами, я выдвигал этот вопрос о новых слоях рабочего класса. Мне кажется, что жизнь целиком подтвердила своевременность постановки этого вопроса. Если мы с чистой совестью спросим себя, что мы сделали по специальной обработке этих слоев, то должен сказать, что мы сделали чрезвычайно мало.

У нас этот процесс обработки идет стихийно. Вовлекаются новые слои рабочих, они принимают участие наряду с другими рабочими в производственных совещаниях, других органах рабочего класса, они поставлены в общую систему нашей пролетарской диктатуры поэтому, разумеется, вовлекаются в культурно-воспитательную и культурно - политическую работу. Такова, так сказать, наша система, которая дает уже сама по себе рамки этого процесса.

Но если спросим себя, что мы сделали хотя бы в области создания специальной литературы для этих слоев рабочего класса, в области специального раз'яснения специфических черт нашего строительства и прочее,—то здесь мы сделали очень мало. Эту ошибку нужно возможно скорее исправить, в частности, в связи с оппозицией, которая апеллирует прежде всего к этим слоям рабочего класса. Оппозиционные документы стараются ведь нащупать именно это больное, недостаточно здоровое место.

Сезонные рабочие, полурабочие и безработные—вот эти клавиши берут как раз на оппозиционном рояли наши почтенные оппозиционеры.

Но и независимо от оппозиционеров

нельзя забыть об этих слоях. Это представляет специфическую особую задачу, довольно трудную задачу. Мы пишем почти все наши брошюры и книжки, произносим речи в расчете на старого рабочего кадровика, который имеет в своей голове массу предпосылок: знает, как было раньше, знает, чего достигли, знает нашу фабрику, знает наши недостатки, в то же время может уложить недостатки в правильную перспективу.

Не то среди новых слоев рабочих, которые не видели старого порядка на старой фабрике. Нето среди молодежи. Поэтому совершенно понятно, что рабочий кадровик идет целиком за нас, а если и есть в оппозиции, то небольшой привесок.

Наши задачи в отношении новых слоев рабочих.

Мы должны внимательно следить за перегруппировками в рабочем классе, не обольщаясь общим положением, что „в общем“ рабочий класс консолидируется. Рабочий класс консолидируется, его удельный вес, безусловно, растет, его мощь, социальная сила вырастают. Но наша задача заключается в том, чтобы даже на сравнительно небольшие больные места обращать сугубое внимание, понимать, что нужно предпринимать целый ряд мероприятий, которые могли бы втянуть не только стихийно, но и в известном порядке новые слои рабочего касса.

Переделывать природу рабочего класса—наша постоянная задача; переделывать полукрестьянскую психологию новых слоев рабочего класса—наша сугубая задача. Ведь по отношению к нашей партии нелепо требовать, чтобы, допустим, все время был один и тот же процент революционеров с подпольным стажем до 1905 года. Это значит—не понимать того, что мир изменяется, что одни люди умирают, другие люди рождаются.

Тоже самое с рабочим классом, и не обращать внимания на состояние рабочего класса и его состав было бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Так обстоит дело с рабочим классом.

Вопрос о крестьянстве.

Если мы теперь поставим вопрос о крестьянстве и спросим себя насчет процессов, которые здесь происходят уже на основе нашего общего экономического анализа, которого я не давал, потому что я предполагаю его всем известным, мы видим, какие тут главные процессы. Мы имеем специфическую дифференциацию крестьянства в нашей стране. Об этом писалось и говорилось много. Мы имеем дифференциацию, своеобразие которой выражается, я говорю это условно и не претендую на особую точность в выражениях, выражается в частности в известной стабилизации числовой величины среднего крестьянства. В общей сумме крестьянской массы у нас остается, мне кажется, примерно, тоже количество середняцкой прослойки в качестве основной фигуры. Мы имеем числовой рост батрачества, несомненный рост кулака, рост его хозяйственного значения, потому что кулаки представляют из себя группу с более сильным хозяйством; наконец, уменьшается количество бедноты. Таковы в основном процессы в составе самого крестьянства. Крестьянин-середняк остается основной массой. Количество батраков возрастает. Сокращается беднота.

Об организациях деревенской бедноты.

Нужно иметь в виду еще следующее обстоятельство. При всех успехах, которые мы делаем в области организации деревенской бедноты и батрачества, их сплочения с средним крестьянством, мы все же должны видеть, что очень часто эти организации в недостаточной степени выполняют свою роль и потому, что на стороне кулака имеется преимущество: культурно-политическая выучка.

Можно было бы привести много примеров, когда кулак из-за этой выучки забивает местные организации батраков и бедноты. Это об'ясняется слабым культурно-просветительным уровнем наших людей в деревне и сравнительно большой культурно-просветительной грамотностью представителей кулацких слоев.

Необходимо усилить, несмотря ни на какие достигнутые результаты, культурно-просветительную работу, работу по созданию грамотных пролетарских выдержанных кадров, обслуживающих нашу деревню.

Проблема партийного руководства комсомолом.

Нам нужно еще обратить внимание на крестьянскую молодежь. Я тут несколько забегаю вперед, потому что тоже самое нужно сказать относительно рабочего молодняка.

Я думаю, что нужно всем нам, всей партии подумать на счет проблемы, которая у нас сейчас последнее время была в загоне, проблемы партийного руководства комсомолом. Мы воспитываем огромные кадры молодежи через наш союз молодежи, пробуждая их к активной политической жизни; между тем, поскольку они вырастают уже за пределы самого комсомола (переростки), мы вынуждены запирать партийные ворота для огромного количества людей, прошедших очень большую партийную выучку в рамках комсомольской организации. И когда мы говорим им, что хотим сделать вас беспартийным активом, они говорят, что „нас хотят сдать в беспартийный архив“.

Нужно сказать, что это большая проблема, которую нужно поставить. Не берусь этой проблемы сейчас решать, для этого нужно специальное изучение опыта, но думаю, что ее нам нужно перед собой поставить, потому что в общей механике нашей страны, в общей механике наших приводных ремней, обеспечивающих пролетарское руководство, есть много слабых сторон. Нужно прощупать то или иное решение в этих вопросах.

Вот то главное, что я хотел сказать относительно крестьянства.

Ремесленники и кустари.

Я позволю себе сказать два слова, о городской и полугородской промысловой мелкой буржуазии, в частности о кустарях и ремесленниках. Кустари и ремесленники составляют в общей экономике страны далеко немаловажный слой. Подчинены они нашему влиянию еще в очень малой степени, капиталистическому влиянию в большей степени. Значит, мы имеем значительное количество этого слоя, слабую организованность этого слоя, сравнительно минимальное влияние со стороны нашей партии на эти слои, большее экономическое влияние со стороны частного капитала. Это нужно признать.

Если мы возьмем слой мелкой и мельчайшей торговой буржуазии, что примыкает отчасти к этим слоям, так называемую мелкобуржуазную городскую бедноту, то мы имеем процесс обеднения этих слоев и процесс вытеснения этих слоев. В частности, как раз в области торговли произошли различные перегруппировки этих слоев. Часто на этой почве мы имеем соответствующее обострение различного рода контрреволюционных, шовинистических, например, антисемитских настроений.

Эта почва, где произрастают часто семена фашизма на нашей почве. Это мы должны видеть и с этим должны повести решительную борьбу.

Каковы выводы?

Мы должны поставить перед собой задачу более усиленного экономического охвата этих слоев мелкой буржуазии, в первую очередь, кустарей и ремесленников, через кустарно-промысловую снабженческую кооперацию, синдицирование предприятий через соответствующие связи с кооперацией вообще.

Мы должны именно здесь повнимательней поставить перед собой задачу борьбы с частным капиталом, который через систему домашней индустрии, через раздачу сырья, через своеобразную систему заказов оперирует в этой области.

Понятно, до сих пор мы были заняты в первую очередь тем делом, чтобы высадить наших противников, высадить частных капиталистов из сферы крупной промышленности, сферы оптовой торговли, сферы розничной торговли в крупных городах.

Как мы смотрим на мелкую промышленность.

Мы неоднократно выступали с положениями и тезисами о том, что не смотря на мелкую промышленность, как на противника, которого надо вытеснить, считаем, наоборот, возможным ее развитие. Но мы до последнего времени обращали мало внимания на социально-классовое овладевание этой сферой производства. Теперь мы выросли, наше влияние возросло и мы должны в большей степени обратить внимание на экономический и политический охват этих слоев мелкой буржуазии.

Во-первых, экономический охват, борьба с частным капиталом, затем, во вторых, политическая обработка этих слоев при чем здесь **считаю необходимым усилить и заострить борьбу против различных антисемитских тенденций, которые суть ни что иное, как зародышевые формы русского фашизма. От этого на этой почве может вырасти русский фашизм. Конечно, он не вырастет потому, что мы ему в необходимый момент срежем голову;** пока нужно укрепить наше политическое влияние так, чтобы те и другие гнусные контрреволюционные тенденции не вырастали отсюда вообще.

Служащие и интеллигенция.

Затем нужно просмотреть мельком другие слои, именно наших служащих, нашу интеллигенцию. Тут, товарищи, нужно сказать, что партия наша должна сделать гораздо больше, чем сделала до сих пор. Прежде всего, несколько слов относительно фактического положения здесь.

Прежде всего, если посмотреть интеллигенцию, то здесь должны

констатировать наличие как раз квалифицированных, наиболее хорошо оплачиваемых слоев интеллигенции, целой реакционной прослойки, которая, если ведет себя очень конспиративно и непосредственно не выступает против советской власти и прочее, то с другой стороны представляет собой довольно сколоченный кулак, который на работу смотрит просто так, как на обязанность. Эти никогда не проявляют никакой творческой инициативы, никогда не стремятся активно помочь или преодолеть трудности, получают жалование, на работу смотрят только как на выполнение своих формальных обязанностей. В целом ряде случаев эта верхушка такого рода специалистов квалифицированного порядка настроена реакционно.

Я не говорю, что такие настроения свойственны всей квалифицированной интеллигенции. Отнюдь нет. Но я говорю о настроении определенного ее слоя, который тихой стопой ведет борьбу, например с выдвиженцами, которых они стараются затереть никакого хода им не давать и прочее. В разговорах они открыто спекулируют военной опасностью, которая угрожает нашей стране.

Сменовеховская прослойка в среде интеллигенции.

Есть в среде квалифицированной интеллигенции сменовеховская прослойка. Ее политическую физиономию я не буду описывать. Своими прогнозами и анализом того, что есть и того, что должно быть, она примерно сходится с нашей оппозицией, потому что тоже думает, что мы перерождаемся и будем перерождаться, расценивая это положительным знаком. Они в общем и целом работают иногда хорошо, но их политическая установка—есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы отвести их с настоящего советского пути.

Делают они это очень осторожно, очень умно, но внешности они очень лойяльны по отношению к советской власти, а иногда делают вид, что даже больше чем лойяльны. Но есть у них определенная линия, линия на сознательное сворачивание с нашего классового пути, линия действительного перерождения.

Ядро советской интеллигенции.

Основная же масса интеллигенции из слоя служащих это то, что можно было бы назвать советским средняком, который действительно уже идет за советской властью. В особенности среди технической интеллигенции уже имеется целый довольно значительный кадр, который действительно идет за советской властью и хочет итти за советской властью, потому что он, выросший на дрожжах новых событий, довольно хорошо представляет себе размах нашего строительства, знает перспективы нашего строительства с его громадным будущим, с его громадными возможностями, с большим строительным пафосом.

Это есть ядро советской интеллигенции, отчасти советских служащих, которых мы должны, разумеется, всемерно поддерживать.

О недовольных и полуинтеллигентах.

Наконец, товарищи, существует прослойка недовольных служащих и полуинтеллигентов, которые являются хронически безработными, в особенности в связи с решительным нажимом и сокращением нашего государственного аппарата, борьбой против бюрократизма и так далее. Это серьезный вопрос, потому что мы режем наш госаппарат и должны его резать, потому что мы сокращаем его и должны сокращать и мы не должны мошенничать, двурушничать, как делает оппозиция, которая, с одной стороны, говорит о „сокращении аппарата“, с другой стороны, в другом параграфе, пишет, что мы не можем и не должны выбросить ни одного служащего.

Одно из двух: либо ты должен резать этот аппарат, либо не должен резать аппарат. А быть именинником на Петра и на Онуфрия может быть и хорошо, но политически бесчестно.

Мы стоим на той точке зрения, что мы должны будем дальше по всей вероятности сокращать этот самый аппарат, что это есть одна из предпосылок нашей борьбы с бюрократизмом, так как у нас такое положение вещей, когда мы эти излишние руки не можем рассовать в другие сферы приложения труда. Поэтому мы должны считаться с тем, что это несет безработицу служащих и части интеллигенции. Вот, товарищи, эти слои недовольны.

Это социальная база для нашей оппозиции.

Рассосать их недовольство мы не в состоянии сразу; это дело большого промежутка времени. Они связаны в свою очередь с интеллигентскими кадрами, которые образуются частью из этих же слоев, частью из наших ВУЗ'ов и прочее. Дрожание среди нашего служилого элемента, нашей интеллигенции, передающейся, в первую очередь, в ВУЗ'овский „барометр"—это тоже настоящая социальная база для нашей оппозиции, на руку мелкой буржуазии с отсталыми прослойками рабочих. Если вы сделаете статистический подсчет, кто, как голосует и кому аплодирует, то вы увидете, что здесь также находится социальная база нашей оппозиции.

Какие замечания по этому поводу можно сделать в смысле итоговых выводов?

Во-первых, нам нужно вести борьбу с реакционными элементами систематически, планомерно, во-вторых, нам нужно усилить нашу работу среди интеллигенции и должен, товарищи, сказать, что очень часто мы не делаем здесь того, что мы могли бы делать, что нужно признать.

Надо улучшить руководство интеллигентскими группами.

Мне лично неоднократно приходилось встречаться с рядом представителей таких интеллигентских прослоек, которые говорят, что мы бы хотели, чтобы нами руководили, но я не могу считать полезным икса, игрека и зета, про которых я наверняка знаю, что они ничего не понимают в том деле, за которое берутся. Конечно, тут имеется известное пренебрежительное отношение к нашим товарищам, которые постепенно выдвигаются, но, с другой стороны, мы должны принять меры к улучшению руководства этими интеллигентскими группами, ставя здесь людей тактических и хоть что-нибудь понимающих в соответствующей отрасли.

Надеяться на то, чтобы здесь росчерком пера, по фельдфебельски можно было что-нибудь сделать,— не приходится. Мы вышли из этой фазы.

Как подрастают новые кадры.

И вот, товарищи, здесь на фронте в области литературы, в области театра, в области науки, в области научной техники и прочего, у нас дело обстоит очень плохо и главное, чем дальше, тем больше мы запускаем эту болезнь. Потому что, если мы, например, посмотрим как подрастают новые кадры, квалифицированные, научные, то мы по всем ВУЗ'ам имеем одно и тоже явление, что наши дорогие коммунисты и комсомольцы хуже работают с наукой, чем беспартийные.

Этого больше терпеть нельзя: **получаешь ты хлеб от пролетариата, который послал тебя в высшее учебное заведение, изволь работать, заниматься делом, иначе гнать тебя надо из высшего учебного заведения.** Я думаю, что, конечно, здесь есть ряд таких причин, как материальная нищета, перегрузка общественной работой и прочее.

Двадцать тысяч раз на партийных собраниях мы ставили этот вопрос и до сих пор не сдвинули его как следует. И поскольку мне известно, вчера в Московском комитете обсуждался этот вопрос, это угрожающее явление, потому что это совсем не пустяки, какие кадры научных специалистов и прочее мы будем иметь через два-три года. Это не пустяки.

Уж лучше разгрузить от очень большого количества общественных обязанностей, оставив необходимый минимум для связи с партией и рабочими и спрашивать после это-

го с самой настоящей свирепой строгостью, чтобы они учились, а не „вола крутили“.

Работа среди интеллигенции, усиление работы по формированию наших собственных кадров—стоит перед нами.

Итоги.

Вот в общем те замечания, которые я хотел сделать касательно разных классов и группировок в нашей стране. Какие здесь итоги? Безусловное усиление рабочего класса, укрепление блока рабочего класса с основными массами крестьянства. Но при этом несомненное оживление активности различных противосоветских групп.

В верхушке квалифицированной интеллегинции, о которой я говорил, реакционеров и среди полуинтеллигентской молодежи, среди реакционных частей крестьянства, мы имеем оживление меньшевиков, имеем оживление эсеров.

Если бы вы познакомились с тем, какие работы ведутся в среде интеллигенции полувраждебной нам, то увидели бы, что по всей линии ведется спекуляция на двух фактах. Во-первых, на факте военной опасности, во-вторых, оппозиции Совершенно понятно, что это вытекает из всей механики борьбы. Рост активности противопролетарских группировок налицо. Он происходит в различных формах: в форме создания своих организаций, в форме попытки создания своих платформ и программ. Я вам рассказывал о форме организации различных блоков и так далее.

Борьба с нашими противниками.

Само собой разумеется, что мы должны здесь во всех отношениях оказаться на высоте положения, мы без сомнения окажемся на высоте положения. Угрожающего, конечно, здесь ничего нет. Мы должны в области экономической больше, чем раньше, наступать на враждебные нам элементы. Должны одновременно с борьбой против непосредственных наших противников обязательно усилить нашу положительную работу. Если бы мы с возросшей силой выполнили те социально-политические задачи, которые перед нами стоят, если бы сделали ряд добавочных усилий, это принесло бы только пользу и эта польза пойдет по линии дальнейшего укрепления нашей диктатуры.

В заключение этого раздела своего доклада я хотел бы поставить один общий вопрос, который вытекает из того, что я говорил о разных классах, который представляет теоретический и практический интерес. Мы не раз говорили, что общая эволюция, общий ход развития в нашей стране—переходный период между капитализмом и коммунизмом. Это есть период отмирания классов, следовательно период отмирания государственной власти. Между тем мы видим такой исторический зигзаг в такой период, когда классовая борьба в своеобразных формах идет довольно остро, на данном перекате имеет тенденцию к обострению.

Как это увязать одно с другим.

Как увязать общую генеральную линию развития и отмирание классов с обострением классовой борьбы. Я, прежде всего, хотел бы сказать, что у нас элементы отрицания государства все же есть и есть элементы отмирания классов. Например, скажем наш рабочий класс есть рабочий класс, пролетариат, в тоже самое время он начинает быть чем то иным, потому что пролетариат—это наемные рабочие, но у нас в социалистических предприятиях нет наемных рабочих.

Наш рабочий превращается в социалистического рабочего. Наш рабочий класс не замыкается, как особый класс, он вливает другие классы в Красную армию. Наша Красная армия есть одно из орудий культурно-политической переделки крестьян. Крестьянин, прошедший коммунистическую армейскую школу, уже имеет известное зернышко пролетарской обработки, социалистической обработки.

Массы вовлечены в государственную работу?

Мы имеем вовлечение самых широких масс в государственную работу, переделку этих масс, переделку этими массами государственного аппарата. Эти процессы де-

формируют наши основные классы, раскрестьянивают крестьян, распролетаривают пролетариат. Это не что иное, как элементы отмирания государственной власти.

В тоже время, несмотря на эти элементы отмирания государственной власти, мы имеем по целому ряду каналов обострение классовой борьбы. Почему? Я думаю, что здесь два главных факта стоят перед нами.

Во-первых, это наша международная обстановка. Представьте себе конкретно: перед вами колеблющийся интеллигент, который не знает выйдет ли „что—нибудь“ у большевиков в конце концов или нет, но, знает, что сейчас грозит опасность войны. Это поддерживает его старые традиции, потому что еще до сих пор некоторые считают нас и наш строй „ненормальным“ уродом в семье „нормальных“ капиталистических государств. Капиталистические государства давят тем, что эти слои знают, что будет война и они могут сомкнуться с ними. Это питает известные старые надежды, это заостряет борьбу внутри страны.

Необходимо обращать внимание на любую опасность.

Второе, это то, что мы сами, развивая экономические рычаги, наши командные высоты, наше хозяйство и промышленность и прочее, двигаемся в этом процессе неравномерно.

Вот я проводил пример: кустаря мы до сих пор в значительной степени оставляли в забросе, на кулака мы нажимали целым рядом рычагов, но выяснять его деревенскую базу мы только начинаем и поэтому наш противник рассосан не просто по своему фронту, но имеет также свои опорные пункты.

Вот эта неравномерность различных мелкобуржуазных трудящихся слоев, социалистическая экономика и неравномерность охвата различных сфер хозяйства, где старается укрепиться буржуазия—и выражается в том, что у нас в определенный период может быть резкое обострение между некоторыми общественными слоями в стране. В отношении к нашему внутреннему противнику наши задачи формулированы в тезисах ЦК к партийному с‘езду. Нужно, чтобы наша партия обращала внимание на любую опасность и использовала любую возможность для продвижения социалистического строительства вперед. Наш внутренний противник сам по себе нам уже не так опасен, но он становится опасен для нас, поскольку он смыкается с активизацией нашего внешнего противника.

Экономика, политика и культура.

Теперь, несмотря на то, что я уже говорил достаточно, я хотел бы коснуться другой темы, которая в моем плане носит название „Экономика, политика и культура“.

Товарищи С абсолютно полным правом, незадолго до своей смерти, Владимир Ильич поставил в упор вопрос о культурной революции. Владимир Ильич поставил необыкновенно остро этот вопрос. Но я должен сказать, что никогда культурная революция не стучалась так в двери нашей партии, как стучится она сейчас.

Здесь речь идет о более культурной рабочей силе в промышленности и культуре., в нашем земледелии, здесь речь идет о создании более культурных руководящих советских кадров и создании более культурных партийных кадров, о ликвидации элементарной неграмотности.

Мы сейчас вступили в такой период, когда нужно поставить перед собой задачу более внимательного отношения к культурным запросам с точки зрения материальных рессурсов, средств на это дело. Думаю, что мы упираемся в эту проблему сейчас уже с чисто производственного конца. Правильно или неправильно, что сейчас на лицо не ликвидированная еще оторванность нашей научной деятельности от производственной деятельности.

Связь производства с наукой.

Есть ряд исключений, отрадных исключений. Вот, например, трест слабого тока, который сейчас работает вместе с научным кабинетом одного из крупнейших и вид-

нейших наших академиков, академика Иоффе. Спрашивается: что он от этого получает? Мне рассказывали, когда я был в Ленинграде, как много этот трест слабого тока выгадал от этого. Они свели до минимума брак продукции стали, благодаря связи с кабинетом академика Иоффе. По целому ряду областей идет теперь на деле такая работа.

Всетаки, товарищи, мы имеем варварское расточение наших сил и средств в любой нашей крупной отрасли, потому что часто мы, хозяйственники на практике, своим умом доходили до того, что давным давно известно другим.

Говорят, что в деле организации различных научных лабораторий, институтов и кабинетов мы кое-где перещеголяли заграницу. Так. Но я все же считаю, что у нас еще мало научных учреждений, обслуживающих нашу промышленность, потому что у нас иногда и сама наука из-за оторванности движется на холостом ходу.

Разделение средств идет непродуманно.

Но для того, чтобы правильно подойти к этому делу, нужно затратить деньги, нужно обратиться к соответствующим людям, нужно ими руководить. У нас величайшее кустарничество в этом отношении, почти отсутствует взвешивание, продумывание того, сколько на ту или иную культурную область мы должны тратить. В конце концов, в научной области, и, прежде всего, в области материального костяка научной работы—мы должны иметь такой же план, как и в области нашего материального производства.

Мы высчитываем в области производства, сколько нам нужно капитальных вложений, сколько на переоборудование и так далее, но в очень малой степени мы учитываем, когда, куда и сколько нам нужно бросить денег на те или иные научные организации и учреждения и так далее. Здесь разделение средств у нас идет страшно грубо и непродуманно. Между тем мы могли бы быстро окупить наши затраты, которые мы должны бросить на целый ряд таких вещей, с соответствующим производственным эффектом.

Мы должны в непроизводительных расходах сократиться.

Например, мы могли бы тысячу раз меньше устраивать банкетов и тратить средства. Я вполне понимаю жалобы некоторых товарищей и иностранцев насчет этих банкетов и мы можем отчасти понять наших крупных ученых, которые говорят, что вот сколько денег затратили на банкет Академии Наук. Правильно, лучше бы было, если бы эти деньги затратили, например, на физиологическую лабораторию академика Павлова. Это чепуха такая, наша грубая непродуманная политика (аплодисменты).

Мы должны в непроизводительных расходах сократиться, мы должны здесь поставить себя в узкие рамки, не должны показывать свое хлебосольство, так называемую „широкую русскую натуру“, положив руки на стол: я, де, хлебосольный хозяин. От нас никто не требует хлебосольства и лучше будет, если построить парочку новых лабораторий.

Задача культурного строительства,—затрата средств, правильное их распределение и прочее является той проблемой, в которую мы должны вцепиться жестко. Она связана с целым рядом других вещей. Например, рационализация нашего производства. Рационализация производства есть не только техническая рационализация; это есть и рационализация рабочей силы. Это немаловажная вещь в общем балансе рационализации. Ведь мы другую культурную, действительно культурную рабочую силу должны воспитывать. Я не исключаю отсюда и нас самих — руководящую часть партии и прочих организаций.

Наша производственная задача.

Мы сами должны заниматься своим воспитанием для того, чтобы выполнить задачи, которые усложняются, должны выработать другую культурную социалисти-

ческую установку,—все это должно занимать нас гораздо больше, чем занимало до сих пор.

В этой области нужно обратить внимание на целый ряд вещей, на которые раньше, в первый период, когда мы не имели базы для осуществления, обращали очень большое внимание, а потом почти забыли. Нужно напирать, во первых, на борьбу с пьянством среди рабочего класса. Что бы ни говорили морали обо всем прочем, но когда видишь большое осложнение качества производственного эффекта, ослабление рабочей силы, ее деморализацию и тому подобное,—мы должны в разных формах и по разному давать этому отпор. Это наша производственная задача.

Подхихикивать в этом деле нечему. Мы должны поощрять все меры к созданию общественного мнения со стороны партии, профсоюзов и прочее, **мы должны помаленечку, постепенно начать перематывать наши доходы, получаемые от водки, на кино и радио** (аплодисменты).

О кино.

В то время, как радио и кино во всех странах являются самой доходной статьей, с которой капиталисты наживают колоссальные деньги, мы как-то ухитраемся здесь делать все наоборот, больше того, со своими собственными фильмами ухитряемся делать наборот.

Скажем, „Броненосец Потемкин" в Берлин был продан за ерунду, а капиталисты нажили на этом большую сумму денег. Надо же ухитриться так поступить. Ну, если бы у нас не было спроса. А то ведь огромный спрос мы имеем, но только все чудовищно дорого. В отношении радио-установок бесстыдно дорого мы производим (аплодисменты).

Мы сейчас, что касается кино, имеем огромный спрос. У какого-нибудь дрянного кино стоит хвост больше, чем за мукой стояло, а мы, несмотря на то, что это рентабельные вещи, где вовсе не требуется колоссальной техники, колоссальных затрат, ухищряемся сделать кино-производство самым захудалым производством. Это не мое личное мнение. В тезисах ЦК об этом прямо написано.

В тезисах и директивах пятилетки записан темп форсировок, темп развития радио-установок, кино-продукции. Мы постепенно должны создавать такую отрасль производства, развивая это потребление дальше и дальше и помаленьку, постепенно перематывать на эту катушку доходы, которые идут от увеселительных и прочих вещей.

Рационализация быта рабочих.

Мы, товарищи, должны обратить внимание на рационализацию быта нашего рабочего класса. Думаю, это все мелочи, а вот мне рассказывают интересные факты из жизни рабочего Москвы.

Вот предположим мы снизили на 4 руб. цены на пальто, но в виду того, что мы „замечательно" „организовали" распределение и у нас торгуют магазины тогда, когда рабочий на фабрике стоит и не торгуют тогда, когда рабочий не стоит на фабрике,—он должен потерять рабочий день, чтобы купить это пальто. 4 рубля вы ему дали, и 4 рубля он потерял. Это факт, которых складывается много.

Мы шумим в политике цен. Мне рассказывали, что женщины-работницы бывшей Прохоровской мануфактуры готовы перейти на большее число сторонок, если устроить механическую прачешную, они интенсифицируют свой труд, если им подсобить с другого конца. И таких случаев бесконечное множество, а у нас по старой традиции „русский человек" заботится о большом и великом. О международной революции он может сказать в течение секунды 4 раза, а в тоже время не увидит, что он может сделать сравнительно второстепенную вещь и получит большой экономический и культурно-политический эффект.

Международную революцию мы очень хорошо помним, и тут мы все, что в наших силах, делаем для ее ускорения. Это хорошо, но вот прачешные, столовые, бани и жилища, уничтоженные бестолковшиной, безалаберщиной, удивительной обломовщиной, всяких дезорганизатор-

ских и дезорганизирующих явлений в области нашего распределения торговли, быта и так далее—в этом необходимо так пособить рабочему, чтобы он во время мог все делать, чтобы он не испытывал лишних затруднений ибо все это. так называемые, мелочи жизни рабочего, имеют колоссальный удельный вес.

Мы раньше, когда были партией, нестоявшей у власти, умели к рабочему обращаться не только на улице и не только через митинг, на фабрично-заводском собрании, но мы ходили по столовым, казармам, общежитиям. Каждый из нас, подпольщиков, это знает, сам побывал в казармах, а если вы сейчас возьмете работу парторганизаций, то вы должны сказать, что в казарму редко кто заходит, в общежитие редко кто заглянет. Это нужно прекратить (аплодисменты).

Мы запустили в значительной мере работу среди молодежи. Сейчас огромные процессы происходят, нашипарторганизации еще не в состоянии уловить все эти процессы, дать им правильное разрешение. Общую линию давно наметили на последнем партс'езде, а целый ряд проблем сейчас стоит перед молодежью.

Среди молодежи есть кое-какие выходы, на которые нужно обратить сугубое внимание. В рабочей части молодежи стоит проблема, которую они формулируют в виде вопроса: чем и кем стать. Раньше я обучался, становился квалифицированным рабочим, находил свое место в производственном укладе, в общей механике производства. Теперь рационализацию очень часто молодежь воспринимает так, что перед ними перспективы закрыты.

Получил я вчера, и третьего дня ряд сводок на эту тему. На этот вопрос нужно дать ответ. Комбинация сокращенного дня молодежи с обучением государственному управлению, обучением военному искусству и так далее, давно стоит у нас в программе, но не стоит реально качество нового воспитательного принципа. Этот вопрос нужно поставить и нужно решить.

Молодежь на ряду с новыми рабочими, о которых я вам говорил,—это у нас самое слабое звено среди рабочего класса. Я говорю с точки зрения тех задач, которые сейчас на наши плечи ложатся. Мы должны налечь на эту сторону дела, в особенности на ВУЗ'ы. Эту задачу нужно в конце концов поставить с такой остротой, чтобы не возвращаться вечно к ней.

Если я не ошибаюсь, то чуть ли не на 10—12 с'ездах ставился вопрос относительно обучения наших комсомольцев, кадровиков в ВУЗ-ах и решен был, а „воз и ныне там“. Так нельзя дальше итти.

Вопрос о работе среди женщин работниц.

Исчез с нашего поля зрения целый ряд „деталей“, которые очень важны. У нас имеется проституция. Должен вам сказать, что борьбы, с этой проституцией, которая была бы видна, которую наши женщины работницы вели бы сейчас, не видно; она заглохла, она на поводу. Я лично ее не замечаю, не вижу ее по газетам. Может быть, она где-то и ведется, может быть, но чтобы она велась, как общественная кампания,—этого нет.

По целому ряду более мелких вещей такое же положение. Например, беспризорность. Мне не очень давно удалось обшить и обмыть в Москве полторы тысячи беспризорных. Обшили, обмыли, собрали их, поселили в Звенигороде. Правда, они там разворочали все, как есть. Конечно, они в начале будут безобразничать, но все же совершился хоть какой-то сдвиг.

Мы очень много говорили о беспризорных, а элементарно не могли сделать: положить в постель, выстричь, вымыть. Возможно, что мы сделали ряд ошибок и неправильностей, но хоть какой-то поворот сделали.

Активизация рабочих.

Из опросов рабочих выясняется, что доныне у нас в стране наши рабочие передовики считают своих жен, как политический балласт и груз. Настолько мало мы эту женскую армию сумели охватить своей работой, несмотря на

всю работу наших женотделов. Тут точно также нужно изо всех сил усилить вашу работу.

Должен сказать еще несколько слов о борьбе с бюрократизмом. О борьбе с бюрократизмом мы чрезвычайно много говорили. Мы последнее время кое-что сделали в этом отношении в смысле сокращения и упрощения аппарата. Мы не должны утешать себя тем, что сократили аппарат на 20 процентов, еще на 20 процентов и еще на 10 процентов.

Если мы будем думать, что только этим можно уничтожить бюрократизм,—это будет абсолютной утопией. Это сокращение должно сопровождаться такой реорганизацией, которая бы на деле этот аппарат упрощала, которая бы сопровождалась перевоспитанием функционеров, живых людей работающих в аппарате.

Мы должны воспитывать себя.

У нас очень часто в торговых заведениях по одежде встречают и по одежде провожают. Даже в органах Наркомзема то же самое говорят: неудобно такому-то отказать, а когда приходит какой-нибудь замухрышка - крестьянин, тогда по другому действуют.

Если пройдетесь по целому ряду наших наркоматов, наших хозяйственных и прочих органов, то, конечно, не везде и всюду, но очень часто наталкиваешься на такую психологию.

Нет у наших служаших, нашего государственного аппарата, да очень часто и у наших товарищей, нет такого воспитания и такта, которые заставляли бы его вежливо обращаться с тем, кто приходит к нему за справками и прочее. А мы очень часто сами за это ругаем недостаточно, а не то, чтобы эти безобразия прекратить.

Если вы возьмете прежнего приказчика, то у него были свои добродетели: не воруй, считай, почитай и служи своему хозяину и пьянствуй только по воскресеньям или двунадесятым праздникам. Мы эту пуповину разворотили, а собственных добродетелей очень мало создали.

У нас очень часто мало различают казенное и свое, потому что у нас-де коммунизм (смех).

Конечно, у нас есть слой работников, перегруженных до черта. Всякий знает, что иногда хочется кусаться, когда лишний ктонибудь приходит, настолько ты устал от работы и перегрузки. Но мы должны сами себя обуздывать, те кто действительно перегружен.

За бюрократизм строго карать.

В особенности нам нужно вытравливать такую психологию у тех людей, которые не очень-то перегружены, но которые ссылаются на то, что занят, перегружен. Нужно учиться, но все делать самому, проверять работу других, своих функционеров, нужо воспитывать служащих, нужно создать известные добродетели каждого с л о я э т и х служащих, вытекающие из их профессиональных занятий. Нужно жестокое давление со стороны масс против тех, кто заражен бюрократизмом, невнимательностью к представителям массы трудящихся. Нужно карать преступления против этих добродетелей. Бороться с бюрократизмом только механическим сокращением—это чепуха, это только первый приступ. Борьба состоит в том, что бы поставить наших функционеров в такие условия, что бы они не могли и боялись вести себя неприлично, нетактично, невнимательно, грубо по отношению к тем, кто серо одет, кто приходит к ним с фабрики, из деревни. Нужно, чтобы они знали, что не они—пуп земли, что они находятся на службе у пролетариата. За преступление против этого карать.

О самокритике.

Вопрос о самодеятельности масс, в дальнейшем развитии наших добровольных обществ, кооперации, советов, в работе их секции и прочем, прежде всего в нашей прессе, которая должна еще больше усилить острую самокритику по отношению к самим. Это—проблемы более или менее известные. Отмечу, что нам ни в коем случае не нужно думать так: оппозицию мы расколотили, она разбита и больше ничего.

Если мы оппозицию разбили, думаю, что мы ее совершенно сокрушим и изничтожим до конца. Это не только не снимает с нас, а наоборот возлагает обязанность более жестокой самокритики по отношению к самим себе по линии государственной, линии партийной и прочее.

Должен сказать, что мы, например, уже давно не практикуем такой вещи, как периодическая рассылка работников самого высокого полета на места, в том числе в деревню (аплодисменты).

Мы должны заботиться об усилении культурно-политической работы среди деревенской бедноты, подкрепить всеми силами союз батраков, еще, теснее, еще прочнее связаться с середняком, обратить настоящее внимание на деревенскую—интеллигенцию и так далее и тому подобное. В отношении интеллигенции мы должны усилить наше идеологическое влияние на нее, мы должны усилить кадр партийцев, работающих на этих фронтах.

Я должен сказать, извините за такое „лирическое" отступление, что каждый раз, как я выступал в Большом театре или еще где-нибудь, когда оркестр начинает играть туш, я начинаю чувствовать себя болонкой или лошадью с большим крупом, танцующей в цирке.

Иногда играют такие марши, что это чорт знает что такое. Есть такой марш „Красная армия", куда вписано все, что угодно: и „Из за острова на стрежень", и „Коробочка"—все это под названием: Марш „Красная армия".

Когда я был в Ростове, там давали марш под названием „Коммунаров". Я услышал похабную немецкую шансонетку, которую у нас называли маршем „Коммунар". Это не пустяки, это есть идеологическое извращение. У нас есть целый ряд таких случаев в кино, музыке и где хотите.

Заботы о чистоте партии.

Наконец, товарищи, позвольте два слова сказать относительно партии. Нужно иметь в виду, что, если к оппозиции тянется третья сила, которая является врагом пролетарской диктатуры, то к нашей партии будут налипать разные подхалимские, карьеристские и прочие элементы. Нужно помнить, что в наших рядах есть еще такие элементы, с которыми мы должны бороться.

Наша страна велика и обильна, большевистской твердой рукой мы наладили в ней кое-какой порядок, расчистив много всякой дряни и гнилья, но как следует еще порядок не наладили. „Варягов" мы никаких абсолютно приглашать не намерены, сами, без „варягов", управимся, а если которые нам захотят притти против нашей воли, мы здесь им руки отсечем.

Но борьба с прилипившимися слоями в наших рядах должна быть больше, чем когда бы то ни было, она необходима, в особенности теперь. Во всякой внутрипартийной борьбе есть отрицательные черты сверх обычных. Многие из наших товарищей, имея дело с оппозицией, воздерживались от необходимой самокритики, полагая, что оппозиция это сейчас же раздует, увеличит в тысячу раз и будет бомбардировать партию. Оппозиция этим занимается, но нам нужна величайшая самокритика не оппозиционная, антипартийная, а пролетарская самокритика и только тогда мы выйдем действительными победителями на все 100%, а не на 99, потому что тогда мы окажемся в состоянии еще в большой мере вовлекать массы в наши партийные ряды, действительно подавлять буржуазию, всякую иную нечисть и погань, которую сейчас оживила оппозиция. Забота о чистоте нашей партии должна быть первейшей из наших забот и после 15-го с'езда нам нужно еще более усилить эту работу.

Я здесь целиком и полностью согласен с Углановым, когда он в своем вступительном слове подчеркнул важность задачи внутрипартийной демократии.

Международное положение и наши задачи.

Я, товарищи, детально останавливаться не буду на между-

народном положении (смех). Я не иронически это говорю, хотя и знаю, что это может послужить поводом для того, чтобы наша оппозиция сказала: Ну вот „национальная ограниченность", потому что мало говорим о международном положении.

По вопросу о военной опасности мы считаем ее по прежнему актуальной. Возможно, что она несколько отдалилась в силе нашей политики, нашего маневрирования, нашей мировой политики. Если это так, то свою роль здесь сыграли коммунистический Интернационал, мобилизация всего мирового рабочего класса вокруг лозунга защиты СССР от империалистов, борьба против социал-демократов и иностранных отделений нашей оппозиции, которые вели антисоветскую линию. Некоторые отдаления возможно и не считают это исклю-[illegible]

Но, товарищи, мы поставлены в такое положение, что мы должны быть на чеку. Опасность остается, потому что крупные исторические факторы действуют: частичная стабилизация есть факт. Остро стоит вопрос о рынках, особо остро стоит вопрос относительно угля и так далее. Расшатывание капиталистического организма происходит по колониальной периферии и мы на ближайшем конгрессе Коминтерна должны особенно резко поставить колониальный вопрос.

Развитие революционного движения.

Внутри европейских стран сейчас развитие революционного движения совершается на основе противоречий стабилизации капитализма. В первую очередь, оно выражается в виде симпатии к Советскому Союзу.

Поэтому, перед Коминтерном стоят задачи: развитие международной революции, поддержка революционных движений, нахождение путей всевозможного организационного закрепления нашего влияния, которое вокруг Советского Союза мобилизует силы рабочих.

Линия нашего советского правительства гласит: никаких принципиальных уступок, но всяческое маневрирование лишь бы оттянуть нападение капиталистических стран на нас, активная политика мира, мира и еще раз мира.

Этими основными задачами вполне определяется та политика, которую ЦК вел и намерен вести. Ничего похожего на уход из Коминтерна Китая, ничего похожего на отмену монополии внешней торговли, ничего похожего на расширение прав буржуазии и кулака— [illegible]

ЦК предлагает всей партии и пятнадцатому с'езду не только не расширять права кулака, но, как мы знаем, отнять некоторые права, например, право голоса в земельных обществах.

Примерно также обстоит дело с обвинениями оппозиции в вопросах международной революции, монопольной внешней торговли и прочее. Ни один человек, находящийся в здравом уме и свежей памяти, не станет отрицать, что наша партия ведет интернациональную международную пролетарскую политику.

Я недавно читал в одном буржуазном журнале статью, где говорится, что это (то-есть, мы— СССР) есть огромный эксперимент и теперь, безусловно, ясно, что в случае войны симпатии рабочих окажутся на стороне Советского Союза и массы будут мобилизованы вокруг советского государства, потому что оно является защитником рабочих. Буржуазный глас на этот раз увидел правду, хотя неполно.

Сейчас не 1914 год и не 1917 г. мы переживаем,—мы переживаем сейчас 1927 год. 10 лет стоит за нами. И пусть это запомнят господа империалисты.

Мы растем и мы победим.

Несмотря на разные колебания внутри нашей партии в 1917-18, 1921, 1923, 1925 и 1927 годах, несмотря на все это,—мы в нашей партии видим рост, укрепление, „слияние" с массами рабочего класса и трудящихся вообще. Оппозиция у нас заостряет все время свои нападки и глубина расхождений

все время увеличивается, а количество оппозиционеров тает с каждым годом

В 1923 году за Троцким шла почти половина Московских организации, а сейчас половина одного вузовца. (Смех, аплодисменты). В 1923 году у нас были величайшие внутрипартийные колебания, а теперь герои нашей оппозиции стоят одиночкой, воображают, что воплощают не то волю партийного коллектива, не то волю рабочего класса. И характерная подробность: все их плакаты, лозунги, выступления выпирают на первый план личность.

На демонстрации кричали: „Да здравствуют Троцкий и Зиновьев“. Во время похорон Иоффе они кричали: „Да здравствуют Троцкий и Зиновьев“. На собраниях тоже: „Да здравствуют Троцкий и Зиновьев“. Они личность выпирают, а мы сколачиваем железный пролетарский коллектив и этим костяком, под этим знаменем мы победим. (Бурные продолжительные аплодисменты. Делегаты стоя аплодируют Бухарину. Овации стихийно переходят в пение Интернационала).

Конец речи Бухарина.

Товарищи!

Позвольте подвести краткий итог той борьбе между партией и оппозицией, той дискусии, которая развернулась за последние три—четыре недели, как внутри партии, так—это надо сказать прямо—вне партии.

Имеются такие цифровые итоги.

На сегодняшний день в партии за ЦК высказалось 572 тысячи с лишним товарищей, за оппозицию—три тысячи с лишним. Оппозиция обычно любит щеголять цифрами и процентами, дескать, за нас 99 процентов и прочее. Теперь все видят, что более чем 99 процентов высказалось против оппозиции, за центральный комитет партии. А кто в этом виноват? Сама оппозиция. Оппозиция то и дело толкала нас на дискуссию. Вот уже два года, как она что ни день, то новое требование выставляет в дискуссии.

Мы сдерживали этот напор, мы, члены ЦК, сдерживали этот напор, зная, что наша партия не есть дискуссионный клуб, как совершенно правильно говорил Ленин, зная, что наша партия есть боевая партия пролетариата, окруженная врагами, строящая социализм, имеющая громадное количество практических задач в творческой деятельности и не могущая ввиду этого сосредотачивать каждый раз все свое внимание на разногласиях внутри партии.

Однако, время подошло к дискуссии и за месяц, более чем за месяц до пятнадцатого с'езда, согласно устава партии, партия сказала: Хорошо, вы хотите дискуссии, вы требуете борьбы,—пусть будет борьба. И вот итог: более чем 99 процентов за партию, за ее ЦК, менее чем один процент за оппозицию. Хвастовство оппозиции разоблачено, так сказать, на 100 процентов.

Рабочий класс против оппозиции.

Могут сказать, что итог этот не есть решающий. Могут сказать, что кроме партии есть еще рабочий класс, трудящиеся массы и крестьянство. Могут сказать, что здесь в этой области итог еще не подведен. Это неверно, товарищи. Итог подведен и в этой области. А что такое демонстрация 7 ноября по всем городам и местечкам нашей необ'ятной страны? Разве это не есть величайшая демонстрация рабочего класса, трудовых слоев, крестьянства, Красной армии и Красного флота за нашу партию, за правительство, против оппозиции, против троцкизма? Разве тот скандал, который навлекла на свою голову оппозиция в день десятилетия Октября, разве то единодушие, с которым приветствовали в этот день партию и правительство миллионы трудящихся,—разве все это не есть величайшее доказательство того, что не только партия, но класс рабочих; не только рабочий класс, но и трудовые слои крестьянства; не только трудовые слои крестьянства, но и вся армия и весь флот стоят горою за партию и правительство, против оппозиции, против дезорганизаторов (продолжительные аплодисменты).

Какие же вам нужны еще итоги?

Вот вам, товарищи, краткий итог той борьбы между партией и оппозицией, между большевиками и оппозицией, которая развернулась внутри партии, которая перешла потом, по вине самой оппозиции, за пределы партии.

Чем об'яснить такое скандальное поражение оппозиции? Ведь, никогда ни одна оппозиция в истории нашей партии, с тех пор, как большевики взяли власть, никогда такого скандального провала еще не терпела.

Мы знаем, оппозицию троцкистов в период Брестского мира. Тогда она имела за собой около одной четверти партии. Мы знаем оппозицию троцкистов в 1921 году во время профсоюзной дискуссии. Тогда она имела за собой около восьмой части партии. Мы знаем оппозицию, так называемую, новую оп-

позицию Зиновьевско-Каменевскую на 14 с'езде. Тогда она имела за собой всю делегацию ленинграда. А теперь?

Теперь оппозиция изолирована, как никогда. Теперь она едва ли будет иметь хотя бы одного делегата на 15 партийном с'езде (продолжительные аплодисменты).

Провал оппозиции об'ясняется ее полной оторванностью от партии, от рабочего класса, от революции. Оппозиция оказалась кучкой оторвавшихся от жизни, кучкой оторвавшихся от революции интеллигентов—вот где корень скандального провала оппозиции. Возьмем для проверки два или три вопроса из числа тех вопросов, которые отделяют оппозицию от партии.

Вопрос об отношениях между рабочим классом и крестьянством.

Ленин говорил, что вопрос в взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством в нашей стране есть основной вопрос диктатуры пролетариата, основной вопрос нашей революции. Он говорит: 10—20 лет правильных соотношений с крестьянином, и обеспечена победа во всемирном масштабе, даже при затяжке пролетарских революций, кои растут.

Что такое правильное соотношение с крестьянством? Ленин понимал под правильным соотношением с крестьянством установление „прочного союза“ с середняком при опоре на бедноту.

Как смотрит оппозиция на этот вопрос? Она не только не дорожит союзом рабочего класса с крестьянством, она не только не понимает всей важности такого союза для развития нашей революции,—но она идет „дальше“, предлагая такую политику, которая не может не вести к срыву союза рабочего класса с крестьянством, подрыву смычки между рабочим классом и крестьянством. Чтобы не итти дальше, я мог бы сослаться на Преображенского—главного экономиста оппозиции, который рассматривает крестьянство, как „колонию“ для нашей промышленности, как об'ект, подлежащий всемирной эксплоатации.

Я мог бы далее сослаться на ряд документов оппозиции в пользу повышения цен на промышленные товары, каковое повышение не может не вести к захирению нашей промышленности, усилению кулака, разорению середняка, закабалению бедноты. Все эти и подобные им документы оппозиции являются составной частью политики оппозиции, расчитанной на разрыв с крестьянством, на разрыв с середняцкими массами крестьянства. Говорится ли что-либо об этом в „платформе“ или контртезисах оппозиции прямо и открыто? Нет, не говорится.

В „платформе“ и контртезисах оппозиции все эти вещи тщательно припрятаны, завуалированы. Наоборот, в „платформе“ и контртезисах оппозиция вы можете найти десятки комплиментов по адресу середняка, по адресу бедноты. Там имеются, кроме того, выпады против партии насчет будто бы кулацкого уклона. Но ничего, ровно ничего не сказано там прямо и открыто о той пагубной линии оппозиции, которая ведет и не может не вести к разрыву рабочего класса с крестьянством,

Но то, что там тщательно прячут от рабочих и крестьян лидеры оппозиции, постараюсь сейчас извлечь на свет божий, положить на стол для того, чтобы впредь не повадно было оппозиции обманывать партию. Имею в виду недавнюю речь Смирнова, Ивана Никитича, на Рогожско-Симоновской партийной конференции. Смирнов, один из руководителей оппозиции, оказался одним из тех немногих честных оппозиционеров, у которых нашлось мужество сказать правду о линии оппозиции. Вы хотите знать, какова действительная „платформа“ оппозиции по вопросу о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством? Читайте речь Смирнова, изучайте ее, ибо речь Смирнова является одним из редких документов оппозиции, говорящих всю правду о действительной позиции наших оппозиционеров. Вот что говорит Смирнов в своей речи:

„Мы говорим, что нужно так пересмотреть наш государственный

бюджет, чтобы большая часть из пятимиллиардного нашего бюджета была направлена по линии промышленности, потому что лучше перетерпеть нам разлады с середняком, чем итти к неизбежной гибели".

Вот то основание всего того, что спрятали в своей „платформе" и контртезисах лидеры оппозиции, что добросовестно вытащил на свет божий Смирнов—тоже один из лидеров оппозиции. Стало быть, не прочный союз с середняком, а разлад с середняком—это оказывается средством „спасения" революции.

Ленин говорил, что „высший принцип диктатуры,—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть". Оппозиция не согласна с этим, утверждая, что для диктатуры пролетариата важен не союз с крестьянством, с основными массами крестьянства, а разлад с ними.

Ленин говорил

И не только говорил, а твердил непрестанно, начиная с 8 с'езда партии, что успешное строительство социализма в нашей стране невозможно без „прочного союза с середняком". Оппозиция не согласна с этим, утверждая, что политику прочного союза с средним крестьянством следует заменить политикой разлада с ним. Ленин говорил, что строя социализм, мы, должны двигаться вместе с основными массами крестьянства. Оппозиция несогласна с этим, утверждая, что нам нужно двигаться вперед не вместе с крестьянством, а в разладе с ним.

Маска сорвана.

Вот в чем состоит основное разногласие между партией и оппозицией по кардинальному вопросу о взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством.

Оппозиция попыталась спрятать в своей „платформе" свою действительную физиономию, отговаривалась комплиментами по адресу крестьянства, делая лицемерные выпады против партии насчет кулацкого уклона. Смирнов вносит коренную поправку в „платформу" оппозиции, сорвав маску с лидеров оппозиции и сообщив партии правду об оппозиции, правду о действительной платформе оппозиции.

Что же из этого выходит? Из этого выходит то, что „платформа" и контртезисы оппозиции есть пустая бумажка, расчитаная на обман партии и рабочего класса.

Что значит политика разлада с середняком?

Политика разлада с середняком есть политика разлада с большинством крестьянства, ибо середняки составляют не менее 60 процентов всего крестьянства. Именно поэтому политика разлада с средняком ведет к отталкиванию большинства крестьянства в об'ятия кулаков. Политика же отталкивания большинства крестьянства в об'ятия кулаков означает усиление кулачества, изоляцию бедноты, ослабление советской власти в деревне, облегчение дела удушения бедноты со стороны кулачества.

Дело на этом не кончается. Вести политику разлада с большинством крестьянства значит открыть гражданскую войну в деревне, затруднить снабжение нашей промышленности крестьянским сырьем (хлопок, свекла, лен, кожа, шерсть и так далее), дезорганизовать снабжение рабочего класса сельско-хозяйственными продуктами, подорвать самые основы нашей индустрии, сорвать всю нашу строительную работу, сорвать весь наш план индустриализации страны.

Вот как оборачивается дело, товарищи, если иметь в виду не пустые заявления оппозиции в ее „платформе" и контртезисах, а действительную политику оппозиции, авторитетно раз'ясненную нам Смирновым.

Я далек от того, чтобы обвинять оппозицию в сознательном стремлении ко всем этим несчастиям. Дело тут не в желаниях и стремлениях оппозиции.

О тех результатах, которые неизбежно должна повлечь за собой оппозиционная политика разлада с средним крестьянством.

У оппозиции тут происходит тоже самое, что произошло с мед-

ведем в басне Крылова „Пустынник и медведь“ (смех). Само собой понятно, что медведь размозжив булыжником голову своему другу—пустыннику хотел спасти его от назойливой мухи. Желания были у него самые что ни на есть дружеские. Тем не менее из дружеских желаний медведя вытекло далеко недружеское действие, в результате которого пустыннику пришлось распроститься с жизнью. Оппозиция, конечно, желает революции всякого добра. Но она предлагает для этого такие средства, которые должны ускорить разгром революции, разгром рабочего класса и крестьянства, срыв всей нашей строительной работы.

„Платформа“ оппозиции есть платформа срыва союза рабочего класса с крестьянством, платформа срыва всей нашей строительной работы, платформа срыва дела индустриализации.

О партии.

Ленин говорит, что единство и железная дисциплина в партии—есть основа диктатуры пролетариата. Оппозиция держится на деле противоположных взглядов. Она думает, что для диктатуры пролетариата нужны не единство и железная дисциплина партии, а разрушение единства дисциплины партии, раскол партии, образование второй партии. Правда, оппозиция говорит и пишет, пишет и говорит и не говорит, а ревет об единстве партии. Но разговоры оппозиции об единстве партии есть лицемерная болтовня, расчитанная на обман партии (аплодисменты).

Ибо, когда оппозиция говорит и кричит об единстве, она вместе с тем строит новую антиленинскую партию, и не только строит. Она уже построила ее, как об этом говорят подлинные документы в виде речей Кузовникова. Зофа, Рено—бывших раньше оппозиционерами. Теперь у нас имеются исчерпывающие документы, говорящие о том, что оппозиция вот уже второй год имеет свою антиленинскую партию, со своим ЦК, областным бюро, губернскими бюро и т. д. Что может противопоставить этим фактам оппозиция кроме лживой болтовни об единстве?

Оппозиция кричит, что центральному комитету не удастся столкнуть ее на позицию второй партии. Странное дело. Но разве когда-либо ЦК толкал их на такую позицию? Разве это не факт, что ЦК все время удерживал оппозицию от сползания на линию организации второй партии. Вся история наших разногласий за эти два года—есть история попыток ЦК нашей партии удержать оппозицию от раскольнических шагов, сохранить их в партии.

Оппозиции нельзя верить на слово.

Возьмите историю с известным „заявлением“ оппозиции 16 октября 1926 года. Разве это не есть попытка Центрального комитета удержать оппозицию в рамках партий? Возьмите второе „заявление“ оппозиции 8 августа 1927 года. О чем говорит оно, если не о том, что Центральный комитет партии все время был озабочен о том, чтобы удержать оппозицию в рамках единых партий. И что-же?

Оппозиция давала заявления об единстве, обещания об единстве, заверения об уничтожении фракционности, а на деле продолжала строить вторую партию. О чем же все это говорит. О том, что оппозиции нельзя верить на слово. О том, что оппозицию—надо проверять не по ее „платформам“, и контртезисам, а по ее делам.

Ленин говорил: Учитесь проверять группы и течения в партии не по их посулам и „платформам“, а по их делам. Мы считаем своей обязанностью итти по следам Ленина, проверять оппозицию не по бумажкам и „платформам“, которые она стряпает, а по ее делам. Когда оппозиция пишет „платформы“ и контртезисы, подымая рев об единстве партии, это есть обман партии, есть фарисейство, есть пустые слова. Когда оппозиция строит новую партию, создает свой центральный комитет, организует областные бюро и так далее, подрывая единство и пролетарскую дисциплину нашей партии,—это есть дела оппозиции ее черные дела.

Они упражняются в игру в партию.

Это не значит, конечно, что оппозиции удалось уже создать что либо вроде действительной партии. Нет, это ей не удалось и никогда не удастся. Неудастся, ибо рабочий класс против оппозиции.

Пытаясь создать новую партию, вторую партию, оппозиция по сути дела занимается ребяческой игрой в ЦК, областные бюро и так далее.

Разбитые опозоренные, они утешают себя тем, что упражняются в игру в партию, в игру в ЦК, в игру в областные бюро и так далее (смех, аплодисменты).

Но, товарищи, игра игре рознь. Когда оппозиция играет в партию —это может вызывать лишь смех, ибо эта игра ничего кроме забавной затеи не представляет. Но мы имеем дело не только с партией. У нас есть еще классы, есть антисоветские элементы. Эти антисоветские элементы следят за игрой оппозиции, учась у нее к борьбе с партией, борьбе с советской властью, борьбе с нашей революцией. Для этих элементов игра оппозиции в партию, выпады оппозиции против партии, антисоветские выходки оппозиции—представляют некоторую школу, некоторую подготовительную школу для борьбы с советской властью, для развязывания сил контрреволюции. Недаром оппозицию облепляют всякие антисоветские элементы. Вот в чем опасность игры оппозиции в партию.

Именно потому, что здесь имеется серьезная опасность, именно поэтому партия не может глядеть равнодушно на антисоветские упражнения оппозиции, именно поэтому она должна пресечь их в корне. Рабочий класс не может не видеть всей опасности этой антипартийной игры оппозиции.

Для оппозиции партия есть шахматная доска.

Борясь против партии, она делает те или иные шахматные ходы. Она сегодня подает заявление об уничтожении фракционности, завтра плюет на свое же собственное заявление. Она через день вновь подает новое заявление для того, чтобы спустя несколько дней вновь оплевать свое собственое заявление. Это есть у оппозиции шахматные ходы. Они игроки и только. Не так смотрит рабочий класс на свою партию.

Для рабочего класса партия есть не шахматная доска, но инструмент его освобождения. Для рабочего класса партия есть не шахматная доска, но жизненное средство для преодоления врагов, для организации новых побед, для окончательной победы социализма. Поэтому рабочий класс не может не смотреть с презрением на тех, кто превращает его партию, его святая святых в шахматную доску для шуллерских упражнений оппозиционных игроков. Ибо рабочий класс не может не знать, что работа оппозиции по срыву железной дисциплины нашей партии, работа оппозиции по расколу нашей партии—есть по сути дела работа к срыву диктатуры пролетариата в нашей стране.

«Платформа» оппозиции есть платформа по разрушению нашей партии, платформа по разоружению рабочего класса, платформа по развязыванию антисоветских сил, платформа по срыву диктатуры пролетариата.

О перспективах нашей революции.

Перейдем к третьему вопросу—вопросу о перспективах нашей революции. Характерной чертой всей установки оппозиции является неверие в силу нашей революции, неверие в силу и способности пролетариата вести за собой крестьянство, неверие в силы и способности рабочего класса построить социализм. Я уже цитировал известное место из речи Смирнова о неизбежном разладе с крестьянством. Песни о гибели революции мы слышим от оппозиционеров не впервые. Вечное хныкание, растерянность перед трудностями, пророчества о сумерках, крахе нашей революции—не первый раз встречаем в заявлениях оппозиционеров.

С тех пор, как фракционная политика оппозиции стала терпеть крах за крахом, оппозиция не переставала кричать о „гибели“ на-

шей революции, выдавая гибель своей собственной группы за „гибель“ революции. Стоит только остаться оппозиции в меньшинстве, стоит только получить тумака от партии, чтобы она вышла на улицу и стала кричать о „гибели“ революции, используя все и всякие трудности против партии.

Еще в период Брестского мира, в 1918 году, во время известных трудностей революции, Троцкий, будучи разбит партией на седьмом с‘езде, стал кричать о гибели нашей революции. Однако революция не погибла и пророчества Троцкого остались пустыми пророчествами.

Шумиха о «гибели» революции.

В 1921 году, в период профсоюзной дискуссии, когда перед нами стояли новые трудности в связи с ликвидацией продразверстки, Троцкий потерпел еще одно поражение на десятом с‘езде партии, Троцкий вновь стал кричать о гибели революции. Я помню хорошо, как на политбюро в присутствии Ленина Троцкий утверждал, что кукушка уже прокуковала, дни и часы существования советской власти (смех, аплодисменты), однако революциия не погибла, трудности были преодолены, а истерическая шумиха о гибели революции так и осталась шумихой. Не знаю, куковала тогда кукушка или не куковала (смех). Если она куковала, надо признать, что куковала она неправильно (аплодисменты, смех).

В 1923 году, в период новых трудностей, уже на основе НЭП‘а, в период кризиса сбыта, Троцкий вновь стал куковать о гибели революции, выдавая поражение своей собственной группы на тринадцатой конференции нашей партии за поражение революции. Однако, революция прошла мимо этих кукований, преодолев стоящие перед ней тогда трудности.

«Платформа» оппозиции есть «платформа» гибели нашей революции.

В 1925-26 году, в период новых затруднений в связи с поднятием нашей промышленности Троцкий, на этот раз совместно с Каменевым и Зиновьевым, стал вновь куковать о гибели революции, выдавая поражение своей собственной группы на четырнадцатом с‘езде и после четырнадцатого с‘езда за поражение революции.

Однако, революция и не думала погибать, самозванные пророки были оттерты на задний план, трудности были преодолены, как всегда в прошлом, ибо трудности существуют у большевиков не для того, чтобы хныкать, плакаться, а для того, чтобы их преодолевать (шумные аплодисменты).

Теперь, в конце 1927 года, в связи с новыми трудностями в период перестройки всего нашего хозяйства на новой технической базе, они вновь начали куковать о гибели революции, прикрывая этим действительную гибель своей собственной группы. Но вы все видите, товарищи, что революция живет и здравствует, а гибнут кто-то другие. Так они куковали и докуковались, наконец, до ручки (смех). **«Платформа» оппозиции есть платформа «гибели» нашей революции.**

Мы больше неверим оппозиции.

Такова действительная платформа оппозиции по трем основным вопросам наших разногласий: по вопросу о рабочем классе и крестьянстве, по вопросу о партии и диктатуре пролетариата и, наконец по вопросу о перспективах нашей революции. Вы видите, что эта странная платформа свидетельствует о полном отрыве оппозиции от партии, от рабочего класса, от нашей революции. Это есть платформа порвавших с ленинизмом, оторванных от жизни интеллигентов. Можно ли удивляться после всего этого, что партия и рабочий класс отвернулись вконец от оппозиции. Вот почему оппозиция потерпела скандальный крах в своей борьбе против партии.

Что же дальше?—спрашивают нас. Оппозиция жалуется, что она подала на днях заявление об единстве, подписанное 31 троцкистом, но не получила еще удовлетворительного ответа. Но какой, соб-

ственно, ответ может быть на лицемерное заявление 31 троцкиста, когда фальшивые заявления оппозиции вновь и вновь опрокидываются ее раскольническими действиями. В истории нашей партии известно аналогичное заявление 31 меньшевика, данное, кажется, в 1907 г. (голоса с мест: правильно). Ленин назвал тогда это заявление „лицемерием 31 меньшевика“ (смех). Думаю, что лицемерие 31 троцкиста вполне аналогично лицемерию 31 меньшевика (голоса с мест: совершенно верно). Оппозиция обманула партию дважды. Теперь она вознамерилась обмануть ее третий раз. Нет, уже, товарищи, довольно с нас обманов, довольно игры (аплодисменты).

Что же дальше?

Дальше некуда итти, товарищи, ибо перейдены все пределы, допустимого в партии. Нельзя больше болтаться в двух партиях одновременно: и в старой Ленинской партии, которая есть единая и единственная партия, и в новой троцкистской партии. Надо выбирать между этими партиями.

Либо оппозиция сама уничтожит эту вторую троцкистскую партию, отказавшись от своих антиленинских взглядов и заклеймит открыто перед всей партией свои же собственные ошибки, либо оппозиция этого не сделает и **тогда мы сами уничтожим троцкистскую партию без остатка** (аплодисменты). **Либо одно, либо другое. Либо оппозиционеры пойдут на этот необходимый шаг, либо они не сделают этого и тогда они вылетят вон из партии.** (Бурные продолжительные аплодисменты. Овация всего зала. Пение Интернационала).

